

Наталья Филимонова

16+

У нас под
крылом —
солнце

Наталья Филимонова
У нас под крылом – солнце

«Автор»

2021

Филимонова Н.

У нас под крылом – солнце / Н. Филимонова — «Автор», 2021

С рождения между близнецами есть незримая связь. Обе наследницы рода Виленто в единый миг исцелились от своей загадочной болезни и одновременно заговорили на неизвестном языке. А когда освоили виссарийский, оказалось, что одна из них ругается, как вовсе не пристало юной леди, а другая мыслит математическими формулами. Да еще и называют они друг друга странно и одинаково – Зинками...

© Филимонова Н., 2021

© Автор, 2021

Содержание

Пролог	5
Глава первая. На пороге	7
Глава вторая. Близнецы	11
Глава третья. Наследницы рода Виленто	18
Глава четвертая. Пикник с драконами	24
Глава пятая. Айсен Леган	30
Глава шестая. Четырнадцать лет назад	35
Глава седьмая. О сложностях размножения магов и воспитания драконов	40
Глава восьмая. Ветер у нас в крови	46
Глава девятая. Тяжело в ученье	52
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Наталья Филимонова

У нас под крылом – солнце

Пролог

Ида Виленго смотрела на собственное лицо. Это почти как в зеркале – если бы не другая мимика, жесты, другое... всё.

Странная ирония: в прошлой жизни у них были одинаковые имена, в этой – лица. И еще – по две смерти на каждую, и обе – на двоих. А больше – абсолютно ничего общего.

Кроме того, что теперь, кажется, они все-таки самые близкие друг другу люди. Пожалуй, само это слово звучит очень верно: близнецы. Ближе некуда. Единственные, кто знает друг о друге то, чего никому не расскажешь.

Сейчас лицо ее близняшки кривилось: Ада собиралась разреваться.

– Не знаю я, что с этой их магией-шмагией делать! Это ты у нас тут... умная шибко, а я академий не кончала! Не понимаю я этих ваших векторов-шмекторов! Зачем я вообще сюда попала, да лучше б я там с концами померла, что я, рая себе нормального не заработала, всю жизнь как проклятая вкалывала, так теперь и тут! – она в отчаянии взмахнула рукой, и на комод в другом конце комнаты взорвалась ваза с цветами. Натурально взорвалась, брызнув во все стороны мельчайшими осколками и цветочным фаршем. Глянув на нее, Ада наконец всхлипнула, и из ее глаз водопадом хлынули слезы.

Ида внимательно посмотрела на комод и снова перевела нечитаемый взгляд на сестру.

– Меня тоже раздражала эта ваза. Но тебе просто стоило бы самостоятельно заняться интерьером своей комнаты – вряд ли родители бы были против. Мне же не отказали.

Ада продолжала плакать, не слушая ее, и Ида вздохнула.

– Зин, – она нарочно использовала это имя, их общее имя, которого здесь не знал больше никто, – не гневи бога. Или в кого ты там веришь. Вот скажи... чем ты занималась в свои четырнадцать... там?

– Коровам хвосты крутила, – буркнула Зина-Ада. – В школе я училась. А из школы на колхозную ферму бегала – мамке помогать. Это ты как сыр в масле каталась! И школа тебе, и этот твой... университет! А я? Я тут как дуууууура!

Ида очень глубоко вдохнула воздух. И выдохнула. И даже не стала подтверждать очевидное – хотя очень хотелось. Педагогические навыки не позволили.

Детство бабы Зины там, в том, прошлом мире, пришлось на послевоенные годы – легко и сытно тогда никому не было. Но сейчас перед ней была просто девчонка, не верящая в собственные силы. Такая же, как ее восьмиклассники.

– А тут ты благородная леди! И тебе снова четырнадцать! У тебя молодые мозги и сколько угодно возможностей поступить в академию, в университет или куда захочешь! Даже магия у тебя есть! Ты можешь заняться вообще чем хочешь! Вот только по сравнению с местными детьми у тебя есть огромное преимущество: знание людей – они во всех мирах одинаковы, и опыт целой жизни, и не самой простой жизни...

– Угу, коров доить умею и картоху сажать. Очень мне это поможет! А этой твоей ледью блаародной быть не умею!

– Невелика наука. Да и время у нас пока еще есть – научимся... обе, – Ида обернулась к окну, краем глаза уловив какое-то движение. Ну, конечно, Котангенс опять на бреющем полете несется, паразит, прямо над городом! Если он еще раз снесет какую-нибудь башню... или... эй, а что он вообще делает над ратушей? Он что, решил ее...

...Пометить?!

– От паскуда! – с каким-то даже восхищением протянула сестра, проследив за ее взглядом, но тут же снова протяжно всхлипнув. – Зинк, а Зинк... а правда – ну шо мы тут делать будем, а?

– Что и обычно, – Ида пожала плечами, продолжая мрачно наблюдать за вихляющими победоносными виражами питомца. – Драконов на скаку... то есть на лету останавливать... и уши обрывать! Ну и по горящим замкам шастать... предварительно их подпалив, скорее всего.

Глава первая. На пороге

Тусклая лампочка над головой затрещала и моргнула. “Надо, наконец, нанять кого-то, чтобы заменил провод”, – отстраненно подумала Зина. Провод, перемотанный скотчем в нескольких местах, был протянут прямо поверх стены, закреплен кое-как и провисал в нескольких местах. Что поделаться, если в этом доме много лет жили только одинокие женщины. Попросить... соседа? Как бы хуже не сделал.

Старый кот на ее коленях хрипло муркнул в последний раз и затих. Мохнатый рыжий бок тяжело приподнялся и опустился. Зина провела по нему рукой.

Ну вот и все. Столько лет они с котом спасали друг друга: она его от смерти, он ее – от одиночества.

По сути, за все годы, что она прожила здесь, в этой богом забытой южной станице, она и не искала другого общества. И тогда, когда в первый раз приехала сюда жить, и уж тем более во второй. С коллегами отношения сложились ровные и прохладные, ученики... ученики начали ценить ее только тогда, когда оканчивали школу. Ее выпускники подходили к ней 1 сентября и в День учителя – в прошлом году, и в этом тоже. Благодарили, вспоминали со смехом, как боялись ее и почти ненавидели. Слишком сухая, слишком строгая, слишком требовательная. Уж точно никто из них никогда бы не напросился в гости и не стал с ней болтать просто так.

Тогда, в первый раз, когда она только приехала сюда, казалось, что этот дом – просто тихая гавань, та самая нора, куда можно забиться на время, чтобы зализать раны. Побывать одной, главное – подальше от всего мира, подумать, понять, как же так все по-дурацки вышло.

Она думала, что пересидит здесь несколько месяцев и уедет. А потом... сначала закончились деньги, и было принято решение найти работу. Здесь не так уж много вариантов. Но учителей всегда не хватало – ее приняли с распростертыми объятиями. Директриса еще шутила, что на место Зинаиды Алексеевны должна была однажды прийти Зинаида Алексеевна. Бабушка оставила по себе долгую память...

Увы, спустя пару лет она все-таки сделала глупость, решила вернуться в “большой мир” рановато, и хуже всего – согласилась встретиться с тем, с кем было нельзя. И сама не заметила, как все закрутилось заново...

Когда она бежала сюда во второй раз, этот дом представлялся ей ее личной крепостью, единственным местом, где можно спрятаться от того, с кем теперь даже случайно нельзя встретиться, посмотреть в глаза, перекинуться словом. Иначе – снова затянет, убедит, заговорит. Иначе – она снова окажется в конце концов там, где больно и плохо, и нет сил уйти. В своей золотой клетке.

И в своем сердце она возвела стены куда выше любых крепостных.

Ох, как же она тогда благодарила в душе покойную бабушку – самого близкого своего, пожалуй, человека на свете. Ту, в честь кого она получила свое немодное имя и от кого унаследовала характер, а в итоге – и профессию. Бабушка, пожалуй, была единственной, кто когда-то почуял неладное в казавшейся такой идеальной и сказочной картинке ее жизни.

Если бы бабушка не написала завещание, этот дом унаследовала бы мама. Нет, мама, конечно, не обидела бы ее... просто она поступила бы “по справедливости”. Как она эту справедливость понимает. Она продала бы дом и разделила деньги между всеми детьми поровну: своей Зиной и сыновьями мужа, которых сама она в свое время приняла безоговорочно – как родных.

Вот только не стала бы учитывать при этом, что сыновьям Зинин отчим, собравшись с силами и пошерстив по сусекам, справил-таки по однушке сразу, как только они закончили школу. А вот Зина вышла замуж еще на втором курсе, в свои 18 – и пришла к мужу в чем

была. Мама и тогда была уверена, что это справедливо: зачем дочери свое жилье, у нее муж богатый, а мальчишкам еще семьи в дом приводить.

И если бы не бабушка, даже собравшись с силами, Зине бы просто некуда было бежать.

Здесь ей было... спокойно. Здесь время тянулось размеренно и неторопливо, и отмечалось только сменой классов. Даже школа, казалось, нарочно дожидалась ее – на прежнее место ее взяли без единого вопроса. Сначала казалось, на этот раз она посидит здесь годик и будет решать, что дальше делать со своей жизнью, которая, как бы там ни было, все еще вся впереди.

Но возвращаться “в мир” с каждым годом казалось все труднее. Да и школа затянула как-то. Особенно когда ей доверили наконец старшие классы. Оказалось вдруг невозможно бросить своих детей посреди года. Ладно – семиклассники, а как же выпускники? У них ЕГЭ впереди, так нельзя, Каринке надо поступать обязательно, и Топоркову, а Кустоева – она пойдет, конечно, на гуманитарный факультет, ей эта алгебра ни к чему для поступления, верно она думает, но ведь сама еще не знает, не понимает, как пригодится, и логическое мышление у нее какое, любо-дорого, да и за прочими надо присмотреть, чтоб вразнос не пошли...

И вроде бы ясно было, что надо в конце концов менять что-то однажды. Она ведь молода еще, а здесь – ни на карьере никаких перспектив, ни на личную жизнь ни единого шанса. Не физкультурника же вечно пьяного соблазнять.

Наверное, это-то ее и пугало в конечном счете. Возвращение означало бы, что надо, видимо, снова думать о будущем. Может быть, знакомиться с кем-то. Снова доверяться кому-то. Искать кого-то. Устраивать свою жизнь.

Здесь... проще. Это как в детстве, когда скрещиваешь руки: чик-чирик, я в домике – и вода не может тебя поймать, пока ты стоишь на месте, восстанавливая дыхание, и наблюдаешь, как носятся все вокруг, визжат и уворачиваются – тебя это пока не касается, ты в домике, и сколько угодно можно так стоять. В конце концов неизбежно придется включиться снова в игру, иначе зачем было и начинать. Но – еще немного. Пять минут, отдышаться. Полгодика... год... шесть лет.

И в конце концов оказывается, что в свои 34 ты сидишь на кухне с мертвым котом на руках и осознаешь, что теперь больше нет на свете никого, кому ты по-настоящему необходима. Для кого тебя нельзя заменить.

Мама... ну да, у нее есть мама. Но она и тогда не поняла Зинаидиной “блажи” – и до сих пор не понимает. До сих пор уверена, что лучший выбор для ее дочери – вернуться... туда. К нему. У мамы есть, в конце концов, другие дети. В мамином доме она в конечном счете теперь тоже лишняя. Пожалуй, если бы тот случай с полыньей произошел сейчас, она бы не смогла оттуда выкарабкаться. Просто не нашла бы причины – зачем.

Грохнула калитка во дворе.

– Зинка! Ты тут? – в окно сунулся любопытный сморщенный нос.

Зинаида только вздохнула. Пожалуй, лишь один-единственный человек во всем мире мог вести себя с ней так бесцеремонно и фамильярно: соседка и тезка, главная сплетница станицы, которую никто во всей Старицкой и не звал иначе как бабкой Зинкой. Даже мать она давным-давно приучила уважать свои личные границы. Эти самые границы стали для нее после всего больной темой.

Но для бабки Зинки не было самого такого понятия. Кажется, после того самого случая, когда обе они едва не погибли, бабка Зинка записала ее то ли в боевые подруги, то ли в подопечные – и стала время от времени “заглядывать на огонек”, ничуть не смущаясь холодно-ватым, хоть и вежливым приемом. Кажется, она считала, что Зинаида просто по-другому не умеет разговаривать и, может, где-то даже в глубине души ее жалела.

Скрипнула входная дверь: бабка Зинка, заглянув в окно и удостоверившись, что хозяйка дома, без всяких сомнений решила зайти. Сейчас пройдет по коридору, попутно с любопытством заглядывая во все углы – просто по привычке! – и явится в кухню.

Зинаида еще раз погладила уже прохладный кошачий бок. Прощай, рыжий. Может, где-нибудь, когда-нибудь в лучшем месте еще встретимся.

В такие моменты оставаться атеисткой хотелось меньше всего на свете. А поверить во что-то казалось поздно.

Зина тяжело поднялась и переложила до странности легкое пушистое тельце на лежанку. Голова слегка закружилась после долгого сидения, и она попыталась опереться о стену. Дернулся под рукой провисший провод – и мгновенный удар прошел все тело, а воздух в легких вдруг закончился.

“Надо было все-таки починить...”, – мысль угасла, не успев оформиться. Вместе с лампочкой.

– Зинка! Слышь, Зинка, я чего зашла-то! Слыхала, опять коммуналку поднимают! А я Рытке-то дуре своей ище когда говорила...

Бабка Зинка осеклась едва ли не на полуслове, заметив наконец лежащее на полу тело.

– Зинка! Ты... ты шо это? Сморило? Ну, жара-то... Ты...

Мелкими шажочками бабка Зинка осторожно приблизилась к неподвижной соседке, чтобы удостовериться: не дышит.

– Ой, горе... ой... Зина...

На секунду старуха прижала руку к груди – кольнуло, неприятно, но не ново, сколько раз за день так колет... Надо бежать, звать людей, скорую вызывать... хоть... смерть зафиксировать...

Кольнуло сильнее.

– Та шо ж это...

Зрение возвращалось постепенно, перед глазами все еще скакали цветные мушки. Белый шум в ушах постепенно превращался в высокий голос, бесконечно что-то повторяющий. Кажется, его обладательница чего-то хочет от нее, от Зинаиды... только слова почему-то никак не разобрать, не сосредоточиться.

Что-то настойчиво прикасалось к ее губам. Кажется, металлическое. Ложка? Наверное, лекарство. Она чувствовала, что сидит – наверное, бабка Зинка вызвала скорую, ее подняли.

Об этом Зинаида думала, уже покорно открывая рот. Вот только на языке ощутила не гадостный вкус лекарств, а нечто вовсе уж неожиданное.

...Каша?! Ее ударило током, она потеряла сознание, и ее... кормят кашей?!

Наверное, от неожиданности ей и удалось наконец прийти в себя окончательно. И прежде всего – решительно отпихнуть от себя чужую руку, вновь зачерпнувшую каши и настойчиво подносящую ложку к ее лицу. Мимоходом отметила, что собственная рука очень слабая – впрочем, чему удивляться...

Вот только в следующую секунду стало не до ложек и не до каши. Потому что при этом простом движении она увидела эту самую руку. Свою собственную руку, показавшуюся какой-то до нереальности тонкой. У нее никогда не было таких тонких рук и запястий, такой узкой кисти с длинными пальцами. А еще – она всю жизнь мучилась со своей светлой, слишком сухой кожей, сквозь которую просвечивали на ногах и кистях рук голубоватые вены. Кожа, которую она видела сейчас, была тоже светлой – но другой, матовой, плотной. И никакого узора вен.

Она поднесла кисть к лицу и убедилась, во-первых, что рука ей подчиняется, а во-вторых – что рисунок линий ей тоже незнаком. Опустила глаза на свое тело, одетое в просторную светлую рубаху до пят. Очертания были чужими. Грудь почти нет, вся фигура стала меньше и тоньше – будто она в одночасье похудела на десяток килограммов, заодно став уже в кости. А

еще на плечи спадали волосы – длинные и темно-каштановые. Она всю жизнь носила короткую стрижку – и никогда не перекрашивалась из родного русого. Зинаида дернула каштановую прядь. Больно!

– Тиссе ида, тааре нами, куто миэ! – сердито проговорил все тот же женский голос, и ложка снова ткнулась в губы Зинаиды. Пришлось снова открыть рот – не обливаться же кашей!

Стоявшая перед ней женщина средних лет была одета в длинное платье, передник и чепец. И, похоже, дело все-таки не в Зинином слухе – женщина говорила не по-русски. Хуже того – и комната оказалась незнакомой и странной. Меньше всего это место походила на ее собственную кухню или больничную палату. Высокое окно в пол с легкими бело-розовыми занавесками, небольшой столик перед ним с какими-то склянками, комод на гнутых ножках у стены, две кровати под широкими балдахинами – на одной из них и сидела Зинаида. А перед ней стоял небольшой деревянный столик, чем-то напоминавший детские столики для кормления – разве что побольше. Тарелок на нем оказалось две – только одна накрыта крышкой.

Проглотив кашу во рту, Зинаида решительно отстранилась.

– Послушайте, – голос оказался хриплым и каркающим, будто она долго-долго не разговаривала. Пришлось остановиться и прокашляться, но говорить все равно было трудно: в горле ощущался колючий ком, а голос взлетал и падал до шепота. – Послушайте, я ничего не понимаю. Кто вы? Где я? Вы не говорите по-русски?

Женщина вздохнула и посмотрела на нее печально и жалостливо.

– Тиссе ида, тааре! – укоризненно сказала она.

– Мда, задачка. Эээ... ду ю спик инглиш? – на пробу спросила Зинаида и по не изменившемуся взгляду женщины поняла, что мимо. – Шпрехен зи дойч? Парле ву франсе?

Последнее она спросила уже исключительно ради эксперимента. Ни по-немецки, ни уж тем более по-французски она и сама не смогла бы связать двух слов. Важнее было увидеть, как отреагирует собеседница.

А отреагировала она на все вопросы совершенно одинаково: как на бессмысленный набор звуков. И со вздохом снова взялась за ложку.

Да что же это такое! Похоже, пока эта маньячка не накормит свою, хм, подопечную, добиться от нее ничего не удастся.

Вздохнув не менее выразительно, Зинаида решительно отобрала у женщины ложку и быстро-быстро заработала ею самостоятельно, торопясь съесть наконец эту треклятую кашу, чтобы безумица от нее отвязалась и можно было спокойно разбираться, что произошло.

Однако и на это невинное действие женщина в чепце отреагировала странно. Она издала невинтное восклицание и попятилась, глядя на Зинаиду, как на восьмое чудо света.

Пятилась она до тех пор, пока не уперлась во вторую кровать – и, похоже, задела ее ненароком.

Удар заставил женщину вздрогнуть и обернуться.

– Тиссе ада, крите мо...

За ее спиной на второй постели села незнакомая очень юная девушка – или даже девочка-подросток со встрепанными длинными волосами – тоже темно-каштановыми.

– Шо? – девчужка хлопнула глазами, озираясь. – Итицкая сила! Это шош творится, а?! Это ш куда она меня, тварюка, сдала-то, а?

Зинаида уронила ложку, звонко звякнувшую о тарелку.

Потому что, во-первых, девушка, в отличие от женщины в чепце, говорила по-русски.

А во-вторых – с какими-то уж очень подозрительно знакомыми интонациями...

Глава вторая. Близнецы

Наверное, эта безумная мысль все равно не пришла бы Зинаиде в голову. Если бы в этой голове уже не сидело не менее безумное понимание, пусть до конца еще не сформулированное даже для себя, но оказавшееся единственно логичным: ее собственное тело... больше не ее.

– Баба Зина? – не веря себе, на пробу спросила она.

Девчушка смерила ее взглядом и скривилась.

– А ты еще кто?

– Я... вы правда баба Зина?!

– И шо? Я 83 года как Зина!

В устах девчонки вряд ли старше пятнадцати это звучало дико и невероятно, но...

Так. Есть вероятность, что все это безумный бред. Тогда это значит, что Зинаида сейчас лежит где-то в больничной палате и пускает пузыри. Или... она украдкой ущипнула себя за руку – больно. Кстати заурчало и в животе. Каша, между прочим, тоже была вполне реальной – в меру горячая и на удивление довольно вкусная, хотя каши она никогда не любила.

Ладно. Бред или не бред, сейчас она может или принять окружающую реальность, или... да никаких “или”. В конце концов, если она очнется в палате с мягкими стенами, о ее поведении в собственном бреде никто не узнает. Если это все-таки не предсмертный бред. А здесь и сейчас будем решать проблемы по мере их поступления. Принимая реальность окружающего мира, познаваемого эмпирическим путем.

– Баба Зина, – осторожно начала она, – посмотрите на свои руки.

Женщина в чепце тем временем оторопело переводила глаза с одной из них на другую.

А девчонка, которая каким-то невероятным образом была бабкой Зинкой, невольно кинула взгляд на свои руки – и завопила.

– Это... это шош... это как! Это чего!

Еще бы. Для нее-то, наверное, разница куда заметнее – с первого взгляда, можно и не присматриваться особенно.

– Зина, – Зинаида старалась говорить спокойным, умиротворяющим тоном, – То есть баба Зина, я Зинаида. Ваша соседка. Учительница. Помните, вы ко мне зашли? Меня ударило током, а потом... Знаю, что выгляжу сейчас по-другому. Как и вы. Я тоже не понимаю, что случилось. Я тоже растеряна. Но вот эта женщина точно пришла сюда, чтобы накормить нас обеих. И она не понимает по-русски. Я думаю, сейчас рациональнее всего съесть то, что она принесла – тогда она уgomонится – и можно будет попробовать знаками договориться с ней. Хотя бы чтобы привела кого-то, знающего русский.

Не переставая говорить, Зинаида поднялась с кровати, взяла вторую тарелку с кашей и ложку и, шаркая ногами – тело плохо слушалось – понесла ее к подруге по несчастью. Та продолжала хлопать глазами и ловить ртом воздух.

А вот женщина в переднике отреагировала бурно: отмерев наконец, она с невнятным восклицанием бросилась к двери и выскочила из комнаты, хлопнув дверью – слышно было, как она несется куда-то и что-то вопит на своем языке. Слышно было только начало фразы – уже знакомое “тиссе ида”.

– Ну вот, – Зинаида покачала головой, – кажется, мы лишились единственного источника информации... Но, может, она хотя бы позовет кого-то.

– Шо... шо... – взгляд девчонки, которая вовсе не была девчонкой, заполошно метался от захлопнувшейся двери к Зинаиде, – как это?! Шо это?!

– Баб Зин, только успокойтесь. Я правда тоже ничего... – Зинаида, почувствовав, что коленки подгибаются, тяжело опустилась на кровать рядом с собеседницей. Отдельным уси-

лием наклонившись, поставила тарелку на пол. Руки дрожали. Хорошо, хоть не расплескала. Оказалось, пройти через комнату и донести тарелку – серьезный труд. Тело было слабым, вялым, неуклюжим, непослушным. Будто долго-долго просидела в одной позе, и затекли все до единой мышцы. Нет. Будто долго-долго лежала, не двигаясь.

– Тисс, мерканте! – дверь резко распахнулась, и в нее практически ввалились давешняя женщина и незнакомый мужчина лет 30 на вид, одетый по моде века эдак девятнадцатого. Следом, после короткой заминки, вошло еще одно действующее лицо: тоненькая женщина, показавшаяся чем-то знакомой. Моргнув, Зинаида осознала: молодая женщина просто была очень похожа на девочку-бабку Зинку. Одета она была еще более занято: в длинную голубую юбку с оборками и блузу с широкими рукавами, поверх которой был надет кожаный корсет.

Что ж, может, хоть с ними удастся как-то объясниться. Зинаида с трудом поднялась навстречу и сделала шаг к двери.

– Ида! – женщина в голубом порывисто бросилась к ней, обняла и принялась что-то лопотать – разумеется, ни слова понять было невозможно. Зинаида осторожно отстранилась, покачав головой – и тут же пошатнулась.

Женщина немедленно всполошилась, подхватила ее под руку, а с другой стороны уже подскочил мужчина, который обхватил Зинаиду за талию и практически дотащил ее до той кровати, на которой она очнулась.

Они некоторое время еще восторженно восклицали, наперебой говорили что-то – но Зинаида могла только беспомощно пожимать плечами, качать головой и разводить руками. Похоже, надежды на объяснения не оправдались. Впрочем, это не мешало пришедшим смотреть на каждый ее жест и слушать каждую ее реплику на русском с таким видом, будто она – снизошедшая к ним богиня или святая, которая творит чудеса прямо на их глазах. Оба счастливо улыбались, а женщина в голубом даже утирала слезы – понять бы еще, что их так радовало.

В конце концов все трое ушли, оставив наконец Зинаиду наедине с молчавшей все это время и тарашившейся во все глаза так неожиданно помолодевшей бабкой Зинкой.

Ну вот... теперь по крайней мере можно попытаться подумать и проанализировать происходящее. Для начала... нужно зеркало!

Зинаида осмотрелась и тотчас обнаружила искомое – на стене над низеньким комодом.

Для того, чтобы дойти до него, потребовалось серьезное усилие – шла по стеночке, придерживаясь рукой. Но оно того стоило.

Одно дело – видеть свои руки. Или знакомого человека с чужим лицом. Но совсем другое – смотреть на незнакомку в зеркало и понимать, что вот это – ты. Можно моргать, поднимать и опускать руку, корчить рожи – отражение повторит все и останется прежним. Чужим.

Узкое, очень юное лицо – девочка-подросток или совсем молодая девушка. Тонкокостная фигура с небольшой, едва наметившейся грудью. Светлая матовая кожа без следа загара. Темно-каштановые слегка вьющиеся волосы по пояс. Яркие на их фоне глаза, серовато-зеленые, травянистые – такого оттенка бывает трава в конце лета, когда ее цвет уже не слепяще-жизнерадостный, а спокойный, чуть выгоревший. Симпатичная девочка, но это не главное. А главное...

– Мы близнецы, – медленно сказала она, оборачиваясь к подруге по несчастью. Почему-то именно эта информация добила Зинаиду окончательно. Изменить внешность – это бывает, в конце концов, ну – мало ли какие технологии на свете есть. Пластические операции и все прочее. Но вот стать не только юной девочкой, но и сестрой-близняшкой своей пожилой соседки – это оказалось действительно чудесчур.

Всех отличий между ними – широкие металлические браслеты на руках у бабки Зинки. У Зинаиды таких не было.

– Шо? – предсказуемо хлопнула глазами бабка Зинка. Кстати, похоже, все же надо называть ее как-то иначе теперь. Ммм... Детка Зинка? Зинаида хихикнула, а затем не выдержала – и расхохоталась. Со всхлипами, стопами, так, что из глаз брызнули слезы, а сама она сползла наконец на пол. Она хохотала, сгибаясь пополам, закатываясь и откидывая голову назад, ловила ртом воздух и чувствовала, как по щекам катятся слезы. И даже не удивилась, когда в какой-то момент оказалось, что ее голова лежит на коленях ее... сестры. Теперь, видимо, так. Бабка Зинка сидела теперь на полу рядом с ней, обняв ее одной рукой, и гладила другой по волосам.

– И поплачь, девонька, оно правильно... – приговаривала она.

Это что же... это у нее истерика? Полноценная истерика. У нее, Зинаиды Алексеевны Летовой, которая никогда не повышала голос даже на самых оголтелых семиклассников, которую в школе считали настоящей снежной королевой, лишенной каких-либо чувств, а бывший муж как-то в сердцах обозвал “ледышкой”. Которая ревела навзрыд, размазывая по щекам слезы, только наедине с собой, только тогда, когда... Впрочем, об этом сейчас вспоминать точно не время. Кажется, и на старуху бывает проруха. Хотя кто это здесь старуха теперь?

В последний раз хихикнув над этой мыслью и тут же всхлипнув, Зинаида решительно подняла голову и, опираясь на руку, села рядом с бабкой Зинкой.

– Хорошо. Мы там, где мы есть, и на данный момент изменить что-либо не можем. Поэтому стоит ли что-то менять – вопрос пока все равно неактуальный, – ей всегда помогало, чтобы прийти в себя в любой ситуации – вот так рассудительно разложить по полочкам всю имеющуюся информацию, все проанализировать и сделать выводы с математической точностью. Всегда и все можно проанализировать. Даже собственную истерику. – Итак... для начала: баб Зин, мы теперь ровесницы и даже, кажется, сестры. Вы не возражаете, если я буду обращаться к вам на “ты”? Так будет лучше, чтобы вызывать меньше вопросов у окружающих.

То, что окружающим плевать, как они называют друг друга, поскольку никто вокруг не понимает по-русски, она пока решила игнорировать. Этот пункт на повестке дня не первый. Впрочем, бабка Зинка об этом и вовсе, похоже, не задумывалась.

– Та хоть горшком назови. Тока в печь не ставь, – она пожала плечами. – Ты мне вот шо скажи: это шо это меня, замолодил кто-то? Операция такая или шо?

– Ох... это вряд ли... то есть вряд ли специально кто-то... “молодил”. Мы... мы, кажется, попаданки.

– Кто?

– Это... это из книг, то есть в книгах их так называют...

Как объяснить истовой христианке 80 с гаком лет, кто такие попаданцы из фэнтези? Собственно, Зинаида и сама не была фанаткой этого жанра. Но несколько книг с яркими обложками – уже после приезда в станицу – признаться, прочла, хоть и не стала бы никому в этом признаваться. Или даже не несколько... неожиданно затянуло. Для себя, привычно анализируя все происходящее, в том числе собственные желания, она сделала простой вывод: мы часто ищем в книгах и кино того, чего не хватает нам в жизни. Кому-то – романтики, любви и сильных чувств, кому-то – приключений, кому-то – собственной значимости, а кому-то – просто полноты жизни. Или еще проще – счастья. Диво ли, как популярны книги, где есть чудеса, любовь и обязательный хэппи-энд? И диво ли, что ей, сознательно раскрасившей свою жизнь в понятный и простой серый цвет, так хотелось хоть на несколько часов побыть кем-то другим – живущим среди ярких красок?

Лекция о теории переселения душ и о параллельных мирах была заведомо провальной идеей. Уже на второй фразе слушательница задала свой коронный вопрос “Шо?”. Вздохнув, Зинаида решила быть проще. Представим, что нас неожиданно поставили на замену в младших классах.

– Баб Зин... а что ты последнее помнишь... ну, когда ты ко мне зашла?

Та нахмурилась, задумалась на секунду и перекрестилась. А потом еще раз.

– Так это... мертвая ты лежала. На полу, значить. Я ж думала, сморило от жары, подошла, а ты и не дышишь. Ну я кинулась скорую вызывать, мужиков звать, а... а потом сердце закололо, так годы жеж, оно часто у меня, да так сильно... а потом все. Глаза открываю – корова эта жопой-то кровать толкнула, а напротив ты глазами лупаешь.

Зинаида прикрыла глаза. Все-таки – током. Насмерть, значит.

– Понятно... в общем, баб Зин, мы... ты не волнуйся только! Но мы, кажется, умерли. Там. Обе. Меня током ударило, у вас – сердце. И наши души...

– Эть! Так а это – шо тебе, рай, шо ли?

– Нет, – вздохнула Зинаида. – Это... это, видимо, другой мир. Или наш, только время другое. Хотя вряд ли – язык звучит совсем незнакомо. Но наряды – вы заметили? Все как из прошлых веков. И ночнушки эти на нас...

– Нормальные ночнушки, – проворчала бабка Зинка.

– Да неважно. Важно, что души, видимо, переселяются после смерти.

– Дууууши... – бабка Зинка хитро прищурилась. – Так ты ж у нас вроде того – эта... атеистка! Ни в бога, ни в черта не веришь?

– Я агностик, – хмыкнула Зинаида. – Это... неважно, в общем, я не принимаю на веру того, что нельзя проверить. Ну... примерно так. Неважно. Но мы с тобой тут вроде как раз и проверили. Узнали на собственном опыте – так сказать, эмпирическим путем, что души существуют и переселяются... раз уж мы – это мы, а тела – другие. Значит, души действительно существуют, назовем это так. И они переселяются после смерти. Возможно, даже в другие миры. Только по логике вещей, души должны бы переселяться в новорожденных младенцев. Тогда все вполне очевидно – никто не помнит прошлых жизней, потому что мозг новорожденного просто еще физически не развит настолько, чтобы совершать сложные мыслительные операции и долго концентрироваться. Вот и не удается сохранить воспоминания. А мы с тобой... не знаю, почему. Что-то пошло не так, кажется. Но наши души попали в тела взрослых девушек. Или подростков. И физически их мозги, видимо, в полном порядке, раз мы этими мозгами способны нормально думать. Вот и память у нас сохранилась. Только эти девочки, которыми мы стали, они, кажется, больные были – иначе с чего бы таких взрослых с ложечки кормили. Да и тело – не знаю, как ты, а я слабая совсем, двигаться тяжело. Что-то с ними случилось... Наверное, они от своей болезни умерли, а мы попали почему-то в их тела...

– В трупы, шоль? – деловито переспросила бабка Зинка, и Зинаиду передернуло.

– Ну... раз мы дышим, то не трупы. Или это была максимум клиническая смерть. Хотя вряд ли, раз меня как раз кормили. Важно, что их души куда-то делись... а наши заняли их место.

– Жалко девок-то, – помолчав, неожиданно заявила бабка Зинка. – Соплюшки совсем, жить и жить бы...

Да... об этом Зинаида почему-то не задумывалась. Или нарочно не задумывалась? Мысль оказалась неприятной – она занимает чье-то место.

– Вряд ли мы можем здесь что-то изменить, – помолчав, ответила она. – Во всяком случае... у нас с тобой теперь есть, кажется, второй шанс. У тебя-то точно – новая молодость и все такое, – сама Зинаида не была пока уверена, радоваться ли ей своему попаданству. Молодость – так ей и в прежнем теле до старости далеко было. И одно дело – быть молодой, но взрослой и самостоятельной, с профессией, образованием, какой-никакой налаженной жизнью, другое – подростком с невыясненным положением... С другой стороны, здесь она точно никогда не встретит своего бывшего – и это было уже огромным поводом для того, чтобы поднять голову, осмотреться и... может, наконец вернуться в мир? Даже если этот мир будет – другой?

Так или иначе, первым делом стоит подумать о насущных проблемах. А порефлексировать можно будет и потом. В конце концов, плакать над уже пролитым молоком – самое бессмысленное и нерациональное занятие на свете. Умерла так умерла. Попала так попала.

– Не стоит нам сообщать, что мы не местные, пока не пойдем, как к этому здесь отнесутся. Может, сумасшедшими нас объявят. Или ведьмами какими. Мы же не сможем доказать, что это не мы виноваты, что девочки... умерли. Но первым делом нам нужно разобраться с языком. Тем, на котором здесь говорят. Мы должны его выучить, чтобы адаптироваться в этом мире.

– Старая я уже, англиши ваши учить, – проворчала бабка Зинка.

– Ну, во-первых, точно не англиши – я проверяла. А во-вторых – теперь молодая! И мозги у тебя, баб Зин, молодые теперь, так что никаких оправданий! Учиться все равно придется...

– От жеж, – тоскливо вздохнула бабка Зинка. – Одно слово – учителька...

– Потом... надо разобраться, что с нашими телами не так. Мы все еще больны или просто ослабели от долгой болезни? Здоровье нам уж точно понадобится, так что надо приложить все усилия... Хотя, чтобы это понять, все равно придется сначала как-то объясниться с местными. Значит – что?

– Шо?

– Значит, нам нужен учитель! Кто угодно местный. Сейчас кого-нибудь позовем и приступим к учебному процессу...

Дверь в комнату оказалась заперта – неприятный сюрприз, так что для вызова “учителя” в нее пришлось потарабанить. В конце концов прибежала все та же немолодая женщина в переднике, которая отчего-то сразу снова разохалась. Однако Зинаиде удалось успокоить ее – иногда неважно, что именно говорить, важно, каким тоном, – и заставить сесть рядом с собой.

Кое-как с помощью жестов и вопросительной интонации Зинаида сумела главное – дать понять, что она хочет знать, как называются предметы вокруг. Кровать, подушка, стол, окно, дверь, рука, нога, зеркало... жаль, “наглядных пособий” в комнате немного, а с глаголами и вовсе все сложно. Хотя простейшие действия можно показать и жестами – например, слово “идти”, обозначив шаги пальцами. “Спать”, “плакать”, “говорить” – за всей этой пантомимой Зинаида вспоминала, как в студенчестве, еще на первых курсах, на развеселых посиделках с сокурсниками играли в “крокодила”. Оставалось только надеяться, что женщина понимала ее правильно.

Зато удалось выяснить, что ее, Зинаиду, теперь звали Идой, а ее сестру-близняшку –

Адой. Тиссе – похоже, форма обращения. Сама женщина – родственница? Служанка? Нянька? – представилась как Крита и замахала руками при попытке назвать ее “тиссе”. Так, Ида и Ада – “тиссе”, а Крита – нет. Может, это обращение к молодым девушкам? Или дело, например, в социальном статусе? Ладно, потом разберемся.

В какой-то момент в комнату бесшумно вошел еще один незнакомец – новый, не тот, что заходил раньше, этот был куда старше – но он что-то сказал Крите и тихонько присел в углу, наблюдая за происходящим, и вскоре на него перестали обращать внимание.

Правда, в итоге внимание пришлось-таки обратить – но не из-за его действий.

Бабка Зинка – нет, надо все-таки привыкать звать ее Адой! – с тоской послушно повторяя слова, вдруг задумчиво заозиралась.

– А вот интересно – где у них тут сортир?

– Эээ... – Зинаида покосилась на безмолвного наблюдателя, – а это у тебя сейчас вопрос насущный или так... для общей информации, чисто умозрительно?

– Насущный! – выразительно прошипела та, – уж такой... насущный!

Зинаида оглянулась по сторонам. Дверь в комнате была одна – входная. А еще, прислушавшись к себе, она с ужасом осознала, что вопрос и впрямь отнюдь не праздный! И как спросить про туалет жестами?

А вот у бабки Зинки идеи на этот счет были. И для начала она попыталась выгнать наблюдателя. То есть попросту ткнула пальцем сначала в него, а затем в дверь, рывкнув “А ну пшел вон!”. Однако тот продолжал смотреть на нее с таким научно-исследовательским интересом, что стало ясно: так просто от него не избавиться.

Ну и... сам виноват!

“Детка Зинка” решительно поднялась на ноги и принялась демонстрировать собственную пантомиму, выразительно глядя на Криту. То есть попросту слегка присела и принялась медленно приподнимать подол рубахи.

Крита пару секунд смотрела на этот стриптиз шокированно и непонимающие, а затем издала какое-то восклицание, подхватила и буквально вшаей вытолкала мужчину из комнаты.

А потом вернулась сама и извлекла из-под кровати... ночной горшок.

Серьезно, самый настоящий ночной горшок с крышкой, вид которого заставил Зинаиду застонать в голос. Вот это и впрямь – попали! А она еще думала, что здесь не Средневековье! Наряды, подумаешь тоже. Вот он – истинный показатель цивилизации!

Собственно, горшок был чуть ниже обычных и пошире – нечто среднее между ночной вазой и медицинской уткой, с веселенькими розочками и ручками по бокам.

Впрочем, вариантов, похоже, все равно не было.

– Ну а шо, – пожалала плечами бабка Зинка, – мы не гордые!

Ухватив горшок за ручку, она все-таки зашла с ним за спинку кровати и завозилась. Крита и Зинаида деликатно отвернулись, старательно пытаясь заодно не замечать и звуков.

А потом Зинаида с тяжким вздохом поднялась сама. Заглянула на всякий случай под вторую кровать – но, увы, второй ночной вазы там не обнаружилось. Ну и какие тут варианты? Она сменила бабку Зинку на ее месте за кроватью, гадливо приподняла крышку горшка и изумленно уставилась в девственно-чистую пустую емкость.

– О как! – изумленно воскликнула тут же любопытно заглянувшая бабка Зинка. – До чего техника дошла!

– Это не техника, – печально сообщила Зинаида. – Это, кажется, магия... и мы, конечно, должны были найти ее именно в ночном горшке!

Изумляться факту существования магии после переселения в другое тело казалось как-то поздно. Нет, само наличие в этом мире магии – дело, конечно, хорошее... наверное. Но способ, которым она о нем узнала, наводил на нехорошие мысли. Почему сначала не могло быть какое-нибудь, ну... волшебное исцеление, красивые иллюзии с бабочками, скатерть-самобранка, в конце-то концов!

– А шо делать, – бабка Зинка хмыкнула с самым философским видом. – Оно, вишь как, если уж как пойдет все в жизни через жо...

– Горшок! Через горшок! Ой, сгинь уже с глаз, баб Зин, а то у меня тоже... насущный вопрос!

...И снова Зинаида до одурения повторяла новые слова и заставляла новоявленную сестру делать то же самое. Наблюдатель незаметно вернулся и все так же тихонько сидел в уголке, делая какие-то пометки в своем блокноте. Эх, как бы бумагу и писчие принадлежности выпросить – стоило бы записывать слова для повторения...

Впрочем, импровизированный урок все равно закончился довольно быстро: обе девушки в итоге устали так, будто таскали тяжелые шпалы, да еще и при этом говорили безостановочно сутками. В итоге Крита, заметив, как подопечные устало роняют головы и опускают плечи, заставила обеих улечься в постели, задернула шторы и ушла, увлекая за собой мужчину, молчавшего все время их урока.

Глаза уже слипались, так что Зинаида не стала ничего возражать.

“Ида. Теперь меня зовут Ида”, – думала она, уплывая в сон.

Уже между сном и явью вспомнились почему-то прочитанные книги с яркими обложками. Чаще всего попаданкам там доставался какой-нибудь самый крутой магический дар, милый питомец и обязательно – принц или король в мужья. Ну или просто какой-нибудь красавчик. Но непременно с самым высоким положением в обществе и окруженный толпами ревнивых и склочных воздыхательниц.

Ой, вот не надо нам... хотя... а вот если попаданок сразу две штуки? Тут как – в двойном размере или напололам все? Полпринца – это как-то непрактично. Или кому-то котиков, а кому-то мужиков? Так тут и думать нечего!

“Выбираю котиков!” – мысленно твердо решила для себя Зинаида, прежде чем наконец заснуть окончательно.

Во сне бабка Зинка, вполне себе старуха из прошлого, скакала на единороге, потрясая посохом очень волшебного вида и издавая дребезжащим голосом воинственные крики.

– Нам ваших прынцев и даааром не надь! – донеслось издалека.

Глава третья. Наследницы рода Виленто

Надежду на то, что наследницы рода однажды придут в себя и исцелятся от своей загадочной болезни, Тристобаль Виленто потерял много лет назад. Это поначалу еще все казалось, что вот-вот, в конце концов, все дети развиваются по-разному, и если уделить чуть больше внимания, пригласить самых лучших специалистов...

Но ничего не менялось. И тогда, когда девочкам было по три года, и когда им исполнилось пять... и когда им стало уже тринадцать.

Все началось практически сразу после рождения близнецов. Счастливые родители успели порадоваться двойне, а целители после осмотра постановили, что дети полностью здоровы.

Но очень скоро стало ясно: что-то не так. Младенцы не плакали и не кричали, требуя покормить их или сменить пеленки. Ели, если их прикладывали к груди кормилицы, но сами никак не давали знать, что голодны, а испачканные пеленки их как будто просто не беспокоили. Как и вообще что бы то ни было вокруг. Более того – они почти не двигались.

Потом стало ясно, что девочки не станут сами учиться ни вставать, ни делать первые шаги. Тисс и тиссе Виленто наняли целый штат нянек, которые бесконечно занимались с малышками, обучая их тому, что большинство детей осваивают самостоятельно. Кое-какие успехи были: по крайней мере, в конце концов Ада и Ида научились ходить. Они покорно вставали, если взять их за руку и потянуть. Но никогда не делали этого по собственной инициативе. Никогда ничем вокруг не интересовались. И так и не научились разговаривать. Если никто их не трогал, они просто лежали неподвижно, глядя в одну точку перед собой.

Родовой дар старшей крови проснулся вовремя – на всякий случай было решено его замкнуть, хотя настоящей необходимости в этом и не было: девочки все равно не проявляли никаких эмоций.

Целители разводили руками: физически обе юные тиссе Виленто полностью здоровы. Просто в них нет ни искры разума или воли. И появятся ли они хоть когда-нибудь – знают только древние боги. Надежды с каждым годом оставалось все меньше – пока она не истаяла совсем. И что с этим делать, тисс Тристобаль так и не смог решить даже для себя, малодушно откладывая этот вопрос с каждым днем. С какого-то момента он перестал даже заходить к дочерям – это было слишком тягостно.

И все меньше времени они проводили вместе с женой с тех пор, как между ними встала загадочная болезнь детей. Потому что Тория отказывалась терять надежду. Она продолжала бесконечно писать самым известным магам, целителям, лекарям и учителям мира, раз за разом не получая никакого результата и тратя безумные, невероятные деньги на все это. Запретить ей он не мог. Это значило бы потерять ее окончательно. Потерять – и ее тоже.

В душе его уже созрело понимание, что род Виленто на этом прервется, и дар старшей крови угаснет на Аде. Нет, варианты... были, и предложения ему поступали уже не раз, но сама мысль об этом была настолько тошнотворна, что не хотелось ее даже рассматривать. Тисс Виленто был готов скорее оставить род без наследника, чем поступиться всем человеческим в себе – и заодно, несомненно, все-таки потерять любимую женщину, потому что Тория точно не сможет такого принять.

Когда одна из нянек ворвалась в его кабинет, бессвязно лопоча о произошедшем чуде, он сначала просто не поверил.

Самостоятельно ела, сама встала, смотрела, будто что-то понимает, пыталась что-то говорить, пусть и бессмысленное? Взяла тарелку и понесла сестре?

Наверное, все это показалось бы сущей ерундой кому-то другому. В самом деле: почти четырнадцатилетняя девица самостоятельно ходит и держит ложку – вот уж чудо!

Но его дочери за тринадцать с лишним лет своей жизни еще никогда не делали ничего по собственной инициативе. Никогда! И их действия никогда еще не выглядели... осмысленно. И если такое произошло – это и впрямь очень похоже на чудо.

Осознав все это, тисс Виленто вскочил и помчался в комнату дочерей. Звать жену с собой не хотелось, чтобы не давать ей ложной надежды, но почему-то вдруг оказалось, что она уже бежит с ним рядом, подобрав юбки. Услышала вопли няньки? Наверное...

Надежда оказалась не ложной. Более того – явные перемены были заметны не только в Иде, но и в Аде, хоть та и вела себя менее активно. Убедившись в этом, тисс Виленто решительно увел жену из комнаты девочек.

Возможно, для рода Виленто не все еще потеряно! Но прежде всего стоит вызвать целителя – пусть посмотрит на девочек. Вдруг это всего лишь временное прояснение? Торию в любом случае стоит пока отвлечь. Заняться девочками должны специалисты. Нужно только понять, какие.

– Я не стал беспокоить девочек – хватило поверхностного осмотра и проверки на артефактах, чтобы удостовериться, что физическое состояние без изменений: обе вполне здоровы... – вскоре говорил семейный целитель тисс Идеро хозяину дома в его кабинете.

– Погодите, но Ида едва не упала, сделав всего несколько шагов без поддержки! Я бы не назвал это “совершенно здорова”.

– О, это вполне естественно. Больше того скажу вам – меня скорее удивляет их прекрасное здоровье, чем слабость, учитывая неподвижный образ жизни все предшествующие годы.

– Но они не были неподвижны, – тисс Виленто нахмурился. – При них постоянно был штат няnek. Их ежедневно выводили в сад на прогулку, заставляли ходить по комнате, разминали им руки и ноги...

– Да, да, но, видите ли... на самом деле человек, даже ведущий действительно малоподвижный образ жизни, даже домосед, лежащий круглыми сутками в постели, все время своего бодрствования находится в практически непрерывном движении. Сотни и тысячи мелких движений – пожать плечами, откинуть волосы, наклонить или повернуть голову, да хоть перевернуться на другой бок. Этих мелких движений все же, пожалуй, недостаточно, чтобы вполне обеспечить здоровье, но они во всяком случае позволяют телу продолжать нормально работать и хоть как-то разгоняют кровь. Юные тиссе Виленто делали ежедневно несколько сотен шагов... но все остальное время, когда другие юные тиссе играют, бегают, танцуют, да хотя бы самостоятельно подносят ложку ко рту – ваши дочери оставались неподвижны. Разумеется, их мышцы сейчас слабы, а все процессы в телах крайне замедлены. Однако с учетом их непоколебимого здоровья все, что нужно сделать, чтобы исправить ситуацию, – всего лишь добавить в распорядок их дня умеренные физические упражнения.

– Понятно... а что вы скажете... в целом?

– О! – глаза немолодого лекаря фанатично заблестели, – Признаться, я поражен! Конечно, я бы не взялся давать пока долгосрочных прогнозов, нужны более длительные наблюдения, но то, что я видел... они обучаются! Более того – настойчиво требуют учить их! Особенно тиссе Ида. Впрочем, обе они, обе – делают просто феноменальные успехи. Я своими ушами слышал, как тиссе Ида пыталась составить из слов предложение. Опустим пока грамматические тонкости, но слова были подобраны верно! А как находчиво тиссе Ада сообщила о своей... ммм... деликатной проблеме! Это поразительно! Я бы рекомендовал приставить к юным тиссе учителя, который справится с задачей лучше няnek. И, конечно, им понадобятся книги с картинками – так дело пойдет быстрее. Я, разумеется, буду наблюдать за процессом: у девочек пока высокая утомляемость, перетруждаться им не стоит. Да, курс гимнастики и регулярный массаж – обязательно.

– Меня беспокоит еще кое-что, тисс Идеро. Возможно, вы тоже заметили, они... будто разговаривают между собой. И даже понимают друг друга. Но язык...

– О, – лекарь пренебрежительно пожал плечами, – не думаю, что вам следует волноваться об этом. Видите ли, такой “птичий язык” – нормальное и даже довольно распространенное явление, особенно среди близнецов. Дети на раннем этапе развития порой придумывают собственный “язык”. Он будет забываться по мере освоения нормальной речи.

– Но когда они могли придумать этот свой общий язык?! Еще вчера они, как обычно, лежали, безучастные ко всему!

– Но ведь не думаете же вы, что это чудо в самом деле произошло в одночасье? Так не бывает, драгоценный мой тисс Виленто! Это уж было бы совершенно невероятно! Нет, разумеется, они начали развиваться давно, только почему-то не показывали этого. Думаю, они могли общаться по ночам или тогда, когда остаются одни. А теперь вот наконец решили явить себя миру – и это огромный шаг вперед! Вот увидите, ваши дочери еще не раз удивят нас!

– В этом я почему-то даже не сомневаюсь, – искренне улыбнулся Тристобаль Виленто.

Кто бы мог подумать, что можно разговаривать на языке другого мира с южнорусским акцентом! А вот, пожалуйста. Зинаида не постигала, как это вообще возможно, но ее ново-явленная сестра упорно произносила в новых словах фрикативное “Г” и половину мягких согласных заменяла на твердые. Да еще и так тараторила криво составленные фразы, что учителя только хлопали округлившимися глазами, пытаясь осознать, что она хотела сказать. Впрочем, как подозревала Зинаида, слова ее “сестренки” все равно опережали ее же собственные мысли. Как в старые добрые времена.

К счастью, здесь никто не знал, как звучит южнорусский суржик-балачка, и особенно сти произношения Ады списывали на забавный дефект речи. В конце концов появился новый учитель, который дополнительно занимался с Адой отдельно – очевидно, местный логопед.

Радовало одно: что некому было научить юную Аду местным ругательствам. А то бабка Зинка, помнится, весьма порой злоупотребляла русским народным... так что ругалась она и сейчас только по-русски, непонятно ни для кого.

Удивляло поначалу, что Ада при всем отсутствии энтузиазма к учебе осваивает язык едва ли не быстрее нее, а потом пришло осознание. Там, в той своей, прежней жизни, бабка Зинка иногда начинала уже потихоньку заговариваться, забывала недавние события – возраст брал свое, и она постоянно подозревала, что невестка – “Ритка-курва” в конце концов сдаст ее в какую-нибудь богадельню. Теперь, будто сбросив груз прожитых лет, она действительно начинала жизнь заново – не с чистого листа, но с легкостью будто перевернув страницу. “Оперативка у нее забита меньше, спасибо деменции”, – почти с завистью думала иногда Зинаида.

Каждый день здесь начинался для них с гимнастики – чего-то вроде лечебной физкультуры. И двигаться постепенно становилось все легче, тело становилось все послушнее, хоть все еще напоминало плохо смазанный механизм. Усталость преследовала по-прежнему, после малейшего усилия нужен был отдых, но промежутки после него удлинялись, и это давало надежду. Значит, с ними ничего серьезного, значит, нужно просто восстановиться! Просто они должны прилагать еще больше усилий.

Как-то само собой она привыкла говорить даже мысленно “мы”. Всегда. Мы должны, нам стоит, мы учимся, нам пора спать. Еще бы! Прежде всего их объединяла общая тайна и иномирное прошлое. А кроме того, каждая минута жизни здесь неизбежно тоже была у них общей. Разве что в туалет ходили по отдельности – как только удалось выучить пару десятков слов и составить какие-никакие фразы из них, Зинаида потребовала отвести ее в нормальную уборную. С ужасом ожидала, что сейчас ей объяснят: нет никаких нормальных туалетов, у всех людей стоят под кроватями ночные вазы. К счастью, обошлось.

Как выяснилось, в “предбаннике” перед их комнатой располагалась каморка прислуги, где постоянно дежурила одна из нянек. И вот оттуда-то была дверь в уборную и даже ванную!

Сантехника выглядела непривычно: например, вместо унитаза нечто вроде высокого мусорного ведра с сиденьем. Собственно, он и работал мусорным ведром в том числе. Никаких труб, тот же неведомый принцип, что и у горшков: все выброшенное туда просто исчезало после закрытия крышки. Но главное – это был нормальный “кабинет задумчивости” с сиденьем и закрывающейся дверью! Роль раковины выполнял овальный таз, установленный на тумбе, и вода из него тоже исчезала сама собой. А чистая бралась из воздуха и вытекала из колечка, подвешенного над тазом. Стоило только поднести под колечко руки – как с сенсорным краном. Аналогично работала и сушилка, а “кран” в ванной управлялся жестами, там можно было и отрегулировать температуру воды. Над длинным металлическим корытом, выполнявшим роль ванны, обнаружился даже “душ” – еще одно колечко, только более широкое и установленное на подставке выше роста.

Показавшаяся на первый взгляд странной планировка “девичьих” покоев быстро нашла свое объяснение – как только удалось выяснить, что девочки, чьи тела они заняли, болели с детства и почти не вставали. Они нуждались в непрерывном уходе и присмотре – примерно как младенцы. Просто не было смысла расселять их в разные комнаты, да и вообще переселять куда-то. Похоже, эта комната была когда-то их детской, с годами в ней просто заменяли кровати. Так что все вполне логично: “взрослые” удобства нужны были нянькам, а не их подопечным. Теперь это стало не слишком удобно, но улучшать жилищные условия можно будет и после – во всяком случае, пока им с сестрой и впрямь лучше жить в комнате вместе.

Как ни странно, привыкнуть к новому телу оказалось куда проще, чем приучить себя откликаться на чужое имя. Вроде бы оно даже было похоже на родное, но чтобы реагировать на него, приходилось делать сознательное усилие и постоянно напоминать себе. Впрочем, от зеркала Зинаида тоже иногда шарахалась. И мысленно хмыкала, вспоминая рассказы подруг, как они подолгу пугались своего отражения после кардинальной перекраски или стрижки волос. Небось настолько радикальная “смена имиджа” никому из них и не снилась!

А еще очень смущали родители. То есть родители девочек. Те самые, что приходили в первый день – и каждый день после этого. Даже странно, они выглядят слишком молодо для таких взрослых дочерей. Но женщина – то есть мама – она каждый раз плакала и счастливо улыбалась. Отец был сдержаннее, он всегда внимательно выслушивал отчеты учителей и кивал, но в его взглядах проскальзывала затаенная гордость и одновременно – надежда.

Больше всего пугало, что они поймут наконец: это не их дочери, это подменши, совершенно чужие, посторонние взрослые тетки, неведомо как занявшие места их любимых девочек... Зинаида поняла уже, что их предшественницы не разговаривали, и все же. Она не знала, как относятся в этом мире к таким попаданкам, бывали ли здесь раньше такие, но страшнее всего почему-то казалось разочаровать этих людей – родителей, отчаянно верящих в выздоровление своих единственных и безнадежно больных детей.

С Адой у нее установились странные отношения. Кстати, ее звать новым именем оказалось легко, глядя на молодое лицо. О том, что перед ней все равно 83-летняя бабка Зинка, она всегда помнила, но... Зинаида почему-то чувствовала себя старшей и ответственной за сестру. У нее было образование и педагогический опыт, была привычка к постоянному освоению новых знаний, она точно понимала, насколько и для чего им необходимы и учеба, и физические упражнения, и порой почти заставляла Аду продолжать заниматься. Но иногда они будто менялись местами – и становилось вдруг ясно, кто здесь на самом деле старше, опытнее и, может быть, в чем-то мудрее. Такие моменты были редки, но все же случались.

После утренней разминки следовал отдых и прогулка в саду – вокруг дома оказался совершенно чудесный сад, жаль, что толком побродить по нему пока не удавалось – а затем снова отдых.

На прогулки девочек облачали в довольно простые платья – длинные, из легкой ткани, напоминающие сорочки с поясом. Таких платьев, примерно одинаковых по крою, у них было

по несколько – похоже, их фасон выбирали так, чтобы в них было легче всего одевать больных. На наряды тиссе Тории – их матери – или на картинки в книжках они походили мало.

А после прогулки – бесконечная учеба с перерывами на отдых и физкультминутки. В их комнате поставили удобные столы, заваленные теперь детскими книгами. Зинаида торопилась: им, как выяснилось, по 13, почти 14 лет здесь, а они не знают даже языка, не говоря уже о правилах жизни, устройстве мира! Надо освоить программу начальной и средней школы или их местных аналогов за время, оставшееся до взрослой жизни, а они пока практически в “ясельной группе”! С другой стороны, попаданкам из книг теоретически должно было быть много хуже: они обычно оказывались в новом мире и вовсе взрослыми, пусть даже с халявным знанием языка, но ничего не зная о мире! Как они при этом ухитрились поступать в какие-то там магические академии, Зинаида не постигала никогда. Но она была твердо намерена получить и здесь самое лучшее образование.

Книги с картинками оказались настоящим благословением. И плевать, что созданы они были, судя по всему, для совсем маленьких детей. Главное, что эти наглядные пособия позволяли развивать словарный запас.

Кроме того, Зине удалось выпросить себе писчие принадлежности и тетради. Она украдкой составляла себе словарик, который не показывала никому, кроме Ады. Вдвоем девочки до одурения вечерами продолжали зазубривать слова. Пришлось вспоминать навыки общения с капризными школьниками, чтобы заставить сестру не увиливать. Зато их учеба двигалась семимильными шагами. И никого уже почти не удивило, когда едва научившиеся кое-как разговаривать девочки начали старательно – и весьма успешно! – осваивать грамоту.

Больше всего Иду беспокоил вопрос о положении женщины в местном обществе. Вдруг тут благородным тиссе – она уже понимала, что это слово означает нечто вроде “леди”, то есть женщину определенного сословия – полагается выходить замуж за кого скажут лет так в 16, вышивать и безостановочно рожать наследников?

Найти ответ на этот вопрос удалось, более или менее научившись читать – в книгах, конечно, потому что как правильно спросить об этом учителей, она так и не придумала. Зато очень помогла привычка все анализировать. Очень многое о социальном устройстве общества можно узнать даже из букварей и рассказов для детей – по приводимым примерам, упоминаемым ситуациям, реакциям персонажей... главное – уметь выделять важное, сопоставлять и делать выводы

Как оказалось, “тисс” и “тиссе” – обращение не просто к аристократам, а к магам. Собственно, именно маги здесь и составляли аристократию. Впрочем, лишенные магии люди вовсе не были, насколько она могла судить, угнетенным классом. Конечно, простые рабочие или прислуга были именно людьми без дара. Но человек, лишенный магии, мог при желании получить образование и стать “тэром” или “тэри” – то есть обладателем уважаемой профессии. Тэры могли занимать высокое положение в обществе и быть приняты в среде аристократов. Просто тиссы, в отличие от них, занимали такое положение уже по праву рождения и унаследованного дара.

А замуж здесь выходили когда хотели – от восемнадцати до ста лет. Средняя продолжительность жизни человека – около двухсот лет, и большую часть этого срока люди здесь молоды. При этом женщины – здесь Ида наконец выдохнула – могут получать профессии и работать наравне с мужчинами. Мужей они тоже выбирают сами, главное – исполнить “долг перед родом”, это внушалось всем юным тиссам с младенчества. Одна из девушек должна принять мужа в род Виленто, чтобы передать своим детям некий “дар старшей крови”. Зато ее супругом может стать не только тисс, но даже тэр. Причем передать этот дар может любая из них, хотя в их поколении он достался одной Аде, как выяснилось. Что этот дар из себя представляет, им пока не объясняли, но именно с ним были как-то связаны браслеты на руках сестры.

Кстати, вторая девушка, наоборот, должна войти в род мужа, и ее дети будут наследовать уже его дар. И вот этой второй нужно выбирать в мужа обязательно мага – чтобы было чему наследовать.

Почти сломав мозг о местные правила наследования дара, Ида решила пока отложить для себя этот вопрос – возможно, все станет понятнее, когда им объяснят про магию и эти самые дары. Сейчас главное – что их никто не станет силком выпихивать замуж. И что они смогут самостоятельно выбирать свою судьбу и профессию.

А религии здесь не было. Точнее, иногда местные жители упоминали неких “древних богов”, но всерьез им, похоже, никто не молился, и это тоже очень радовало Иду. “От жеж нехристи!” – ругалась ее сестра но, к счастью, проповедовать не пыталась.

Спустя два месяца после своего попадания обе девочки уже сносно могли объясняться на простейшие темы на местном языке – кстати, он назывался виссарийским, а страна, соответственно, Виссарией – еще далеко не бегло, но все же читали и более или менее разбирались в социальных статусах по крайней мере окружающих людей.

И Ада вдруг заскучала. Для нее оказалось невыносимо находиться так долго в фактически замкнутом пространстве. И принялась ежедневно требовать от родителей вывезти дочерей хоть куда-нибудь. Выводить их “в люди” те пока не решались, и в конце концов все же сошлись на пикнике на природе – за городом.

– Хучь на мир посмотрим! Своими глазами, а не в этих твоих книжках! Своими руками пошшупаем! – победоносно говорила Ада, сверкая глазами.

Зинаида вздыхала. Да, они за два месяца видели только свою комнату и небольшую часть сада, но она предпочла бы пока и дальше смотреть на мир на картинках в книжках – и выходить в него только тогда, когда будет действительно готова к этому, во всеоружии. За городом – это хорошо, хотя бы без лишних людей, но мало ли что там может случиться? Потом, туда же еще добираться как-то! Здесь, по крайней мере, все уже знакомо!

– Ну вот что тебе не сидится! – стонала она. – У нас времени мало! Нам учить еще столько! Ну нормально же общались, ну почему!

– Потому! – наставительно подняла палец ее сестра и торжествующе привела бесспорный аргумент, – шо шило в жопе – не пропьешь!

Глава четвертая. Пикник с драконами

Ох и хлопотное это дело – семейный выезд! Даже в комнате юных тиссе было слышно, как бегают слуги в коридорах дома и как хлопают без конца двери. Да что там – если уж даже в их комнате без конца суетились разом все три няньки во главе с Критой. Обычно они работали поочередно, а в последнее время и вовсе выполняли больше работу горничных. Но сейчас они со всей ответственностью собирали своих подопечных так, будто те намеревались уехать совсем одни и как минимум на полгода куда-нибудь в дикую природу, а не на пикник с родителями на каких-то несколько часов.

Как оказалось, в таком мероприятии юным тиссе совершенно необходимы теплые вещи (вдруг похолодает!), сапоги и непромокаемые ботинки (вдруг пойдет дождь!), зонтики от солнца (вдруг будет жарко!) и, опять же, зонтики от дождя, полный чемодан медикаментов на все случаи жизни и еще целый ворох вещей для всех и всяческих возможных “вдруг”. Зинаида всерьез подозревала, что едва ли большинство девушек в этом мире действительно не могут сделать шаг без такого количества вещей “первой необходимости”. Просто и родители, и слуги слишком привыкли, что девочки нуждаются в особой заботе, и менять ситуацию придется еще долго. Что ж, на споры у них пока все равно не хватит словарного запаса, да и к чему?

Самих девочек нарядили в одинаковые голубые платья из числа “прогулочных”, и Крита все приговаривала огорченно, что пора заказывать нормальный гардероб для юных тиссе, раз уж дело дошло до выездов.

Наконец, все были готовы, и Ида с Адой в сопровождении почетного эскорта из нянек с чемоданами направились на выход – на сей раз не по знакомому уже коридору, ведущему к выходу в сад, а более длинным путем – похоже, к парадному входу. Девочки с любопытством озирались: за два месяца жизни здесь они все еще толком не осматривали дом, разве что понимали, что он довольно велик. Ясно было и то, что их родители далеко не бедны, учитывая и этот дом, и слуг. К комнатам стены были обиты тканями, в коридорах – облицованы гладкими каменными плитами. Впрочем, рассмотреть что-то толком не удалось и сейчас – их провели по коридору через просторный холл с парадной широкой лестницей прямо к выходу.

Наконец удалось посмотреть на дом с фасада. Ну, что можно сказать... больше всего он напоминал небольшой замок – каменный, с башенками по углам. Как уже знала Зинаида, располагался он на окраине небольшого городка неподалеку от столицы Виссарии. “Надо будет как-нибудь забраться на одну из башенок – посмотреть на город”, – тут же подумалось ей. А может, и вовсе попросить себе комнату в башне? Рано или поздно им с сестрой надо будет расселяться, да и постоянное присутствие нянек начинало уже слегка раздражать.

Впрочем, все посторонние мысли вскоре вылетели у Зинаиды из головы. Потому что она увидела, на чем им предстоит выезжать.

– Это, это шо? – озвучила Ада ее мысли. Сама Зинаида только оторопело разглядывала их... видимо, семейный автомобиль.

Сооружение внешне напоминало первые земные автомобили, разве что было побольше – за водительским сиденьем располагались целых две скамейки со спинками, на двоих пассажиров каждая. Руль заменяла дуга “рогами” вверх на подставке. Еще у этой штуки были какие-то непропорционально огромные колеса. И широченный раструб клаксона, похожий на трубу граммофона. И, конечно, ничего похожего на крышу. Раструб любовно полировал тряпочкой белобрысый мальчишка едва ли намного старше них – лет пятнадцати-шестнадцати, одетый в заляпанные маслом коричневые штаны, грубую сероватую рубаху и коричневую жилетку.

– Похоже, это наш кабриолет, – пробормотала Зинаида. – Интересно, куда они собираются пихать багаж?

“Ну, в конце концов, все не так уж и плохо. Если бы мы попали в аналог Средневековья, все было бы плохо с гигиеной. А здесь, хм... ну... практически цивилизация”, – размышляла Зинаида, покорно устраиваясь на заднем сиденье рядом с сестрой.

Багаж кое-как разместили под ногами – багажного отделения тут не придумали. Тиссе Тория устроилась на второй скамеечке, а рядом с ней с важным видом уселась Крита. Зинаида ожидала, что водительское сиденье займет тисс Тристобаль, однако тот сел на соседнем с ним месте. А место водителя занял... тот самый белобрысый мальчишка!

– Он что, поведет машину?! Этот ребенок?! – в панике Зинаида сначала сказала это по-русски, затем тронула за плечо сидящую перед ней тиссе Торию и попыталась повторить свой вопрос по-византийски.

– Не волнуйся, – мягко улыбнулась, обернувшись, та, – Кей давно у нас служит, он отлично справляется с машиной.

– Конечно, девочки боятся, они ведь никогда... – начала было Крита, но тут мотор завелся, заглушая ее голос. А Ида и Ада, в ужасе переглянувшись, одновременно вцепились в спинки передних сидений и борта машины. Ремней безопасности здесь тоже, увы, никто не изобрел.

Зинаида открыла рот, попытавшись что-то сказать, но клацнула зубами, едва не прикусив язык. Машина, взревывая, выехала за широкие ворота из витых металлических прутьев и запрыгала по не слишком ровной дороге, угрожая на каждом повороте буквально выплюнуть из себя пассажиров в полном составе. К счастью, скорость была не столь уж велика, но вот с амортизацией определенно были проблемы. И с мягкостью лавок!

“Будем заниматься прогрессорством! – злобно думала Зинаида, подпрыгивая на сиденье, стиснув зубы и вцепившись во все, что могла, уже побелевшими пальцами. – Мягкие сиденья! Багажник! Ремни безопасности! Дорожное покрытие! Водительские права! ПДД, мать их так!!!”

До нецензурной брани Зинаида Летова не опускалась никогда и в прошлой жизни и не собиралась в этой. Но случались моменты, когда хотелось позавидовать бабке Зинке, не ограниченной такими предрассудками. Сейчас, к слову, Ада была абсолютно зеленой и, похоже, от длинной тирады, где пристойны были бы разве что предлоги, ее удерживало только опасение вместо богатства лексикона продемонстрировать всем свой завтрак.

Отличный завтрак был, между прочим, вкусный, плотный. При этой мысли Зинаида буквально почувствовала, как ее лицо тоже наливается нежной весенней зеленью.

Все, кроме девочек, похоже, чувствовали себя вполне вольготно. Тиссе Тория, например, сидела, расслабленно откинувшись на спинку сиденья и облокотившись о дверцу, и с удовольствием подставляла лицо встречному ветру. Разве что оглядывалась иногда обеспокоенно на дочерей. Тисс Тристобаль и вовсе неторопливо беседовал о чем-то с мальчишкой-водителем, хотя как они друг друга слышат в этом реве, оставалось загадкой. А вот то, что мальчишка при этом явно отвлекался от дороги, поворачиваясь к собеседнику, задумываясь над ответом, весело улыбаясь и даже иногда жестикулируя (“Руль держи, сволочь малолетняя!”), заставляло Зинаиду нервничать еще больше.

В конце концов бояться она просто устала. Ну сколько можно? Все равно повлиять на ситуацию нет никакой возможности. С этой мыслью она слегка расслабила пальцы и осторожно огляделась. Город остался уже далеко позади, а кругом оказались... горы.

Рядом – низкие, пологие, поросшие зеленью и деревьями, местами цепляющимися за склоны оголенными перекрученными корнями, вдаль – высокие, островерхие, с заснеженными вершинами, задевающими облака. И это оказалось невероятно красиво. Так красиво, что захватывало дух и заставляло порой забывать о страхе.

– Зинк, – произнесла вдруг Ада, и Зинаида оглянулась, – а это ище шо?

Сестра тоже смотрела на островерхие пики вдали, но чуть в другой стороне, где между ними плыло едва заметное отсюда пятнышко. Зинаида присмотрелась – благо, в этом теле у нее было отличное зрение.

Ох ничего себе! Там, вдалеке, под самыми облаками величественно плыл самый настоящий дирижабль.

– Ну, – протянула она, – похоже, нам еще многое предстоит узнать об этом мире...

Рано или поздно тряска в фырчащем механическом монстре должна была закончиться, и в конце концов это все-таки произошло. Место для семейного пикника определенно было намечено заранее – и явно использовалось для этой цели не раз, а может быть, и не одним только семейством Виленто. Во всяком случае, обрыв, у края которого располагалась полянка, был аккуратно и не без изящества огорожен невысоким заборчиком, а в тени скалы располагались навес, деревянный стол и несколько скамей.

Но самым невероятным в этом месте оказался вид с обрыва, к которому обе девочки, конечно, подошли первым делом, будто притянутые невидимым магнитом. Стоять здесь оказалось страшно настолько, что в животе будто натягивалась струна. И одновременно – от открывающегося отсюда вида охватывал такой восторг, что к горлу подкатывал ком, а на глаза наворачивались слезы.

Далеко-далеко внизу билось о скалы кипящее снежной пеной бескрайнее море – и, если присмотреться, даже отсюда можно было разглядеть мелькающие в воде спины каких-то крупных морских животных. А на горизонте была видна цепочка островов – скалистых и покрытых изумрудной зеленью, и на одном из них Зинаиде удалось рассмотреть виднеющиеся башенки – то ли замка, то ли города. Яркое солнце играло россыпями бликов на морских волнах, мелькали белоснежные чайки, и в первую секунду можно было подумать, что все это – обман зрения, ослепленного слишком ярким светом, а в небе отражается каким-то образом море. Но нет – там, далеко в небе, тоже парили острова. На них тоже были и скалы, и деревья с нереально-яркой зеленью, и даже возвышались, пронзая небесную синеву, шпили каких-то зданий. Между островами – морскими и небесными – мелькали пятнышки дирижаблей и казавшихся отсюда совсем крохотными самолетов. И меньше всего сейчас хотелось думать о том, как соотносятся эти парящие в небе острова с физикой и вообще законами природы. Хотелось молча смотреть на них широко распахнутыми глазами, забывая дышать и чувствуя только звенящую пустоту в голове.

– Ну как вам? – молчание нарушила подошедшая незаметно тиссе Тория, обняв обеих дочерей за плечи. И Зинаида только сейчас поняла, что стоит, вцепившись одной рукой в перила, а другой стиснув руку сестры, так же замершей – и даже, кажется, с открытым ртом.

– Красота-а-а, – Ада откликнулась первой и даже, как ни странно, по-виссарийски.

– А мы тоже на острове? – опомнилась и Зинаида.

– Конечно, – тиссе Тория, кажется, даже слегка удивилась вопросу. – Все живут на островах. И мы тоже. Вам на уроках еще об этом расскажут.

– А на... там, – Зина мотнул головой, – в небе. Там тоже кто-то живет?

Тиссе Тория подняла голову и, прищурившись, бросила взгляд на летающие острова вдали.

– Там живут ритхи.

– Ритхи? А...

Спросить, кто такие ритхи, Зина не успела. Многие вопросы просто теряют свою актуальность, когда с неба на тебя практически сваливается дракон.

Собственно, сначала они услышали шум крыльев, а потом на них упала огромная тень – тень зверя, летящего с огромной скоростью прямо к поляне.

То, что это именно дракон, Зинаида поняла как-то сразу, с первого взгляда. Просто выглядел он именно так, как должен выглядеть дракон – сверкающий, покрытый бронзовой

А дракончик друг снова вскочил, как-то очень радостно подпрыгнул, снова заставив ее отшатнуться, припал на передние лапы и... заурчал.

То есть как будто попытался заурчать, издавая нечто похожее на рычание и дыша в нос, но никакой агрессии в этом почему-то не было. А вот черный дым из ноздрей – был.

– Все-таки ты огнедышащий, да? Но ты ведь не собираешься делать из нас шашлык, правда? Кей, не смей! – последнее она проорала по-византийски, обнаружив, что мальчишка уже занес свой ломик, подобравшись-таки к дракоше совсем близко. – Живо отойди от него!

Слушаться мальчишка не собирался – но дракончик уже обратил на него внимание, недоуменно обернулся, фыркнул и потрогал его лапой. От этого “нежного” прикосновения мальчишка плюхнулся на зад, разом выронив свой ломик, да еще больно ушибив локоть о камень.

– А ну не хулигань! – прикрикнула Зинаида уже на звереныша, и тот, недовольно мотнув хвостом, снова обернулся к ней.

Что-то напоминали ей его движения... да он же двигается и ведет себя в точности, как кошка! Вернее, как котенок. Все эти фырканы, попытки потрогать игрушку лапой, недовольное мотание хвостом и даже урчание – так вел себя ее Котангенс, когда еще умещался у нее на ладони. Впрочем, он и повзрослев и даже постарев, не слишком изменил своих повадок.

– Хороший... котик. Маленький. Хороший же, правда? – Зинаида уже подошла к зверю и, сама обмирая от того, насколько нелепыми казались собственные слова и действия, протянула руку. Дракоша внимательно обнюхал ее ладонь... и ткнулся в нее носом. А потом попытался подсунуть под нее голову.

– Ты... да ты... *такой* котик?! Ласковый?! Тебя надо погладить? Серьезно?

Все на поляне будто замерли, не в силах поверить в происходящее. Давно перестала вопить Крита, замолкли Ада и тиссе Тория, молитвенно сложившая руки. Застыл в нелепой позе тисс Тристобаль. Затих, баюкая ушибленную руку, мальчишка Кей.

А Зинаида гладила “котика”. То есть дракотика. В этом огромном чешуйчатом звере внешне не было абсолютно ничего от кота – ящеринное тело, широкая лобастая голова рептилии, слегка напоминающая крокодилю. Зато, если его погладить, он начинал скрести когтями по траве, будто сжимая лапы в кулаки – и снова разжимая. Когти у него не втягивались. А чешуя наощупь оказалась гладкой и теплой, почти горячей, как отполированный нагретый на солнце камень, и прикасаться к ней было неожиданно приятно.

Зинаиду не оставляло ощущение, что зверь ведет себя совершенно как кошка. Даром что у него одна голова размером с двух-трех немаленьких котиков, гладить – не перегладить. А когда девушка по какому-то наитию почесала его лоб – Котангенс всегда особенно любил, когда его там почесывали, не за ушами, а именно между ними – дракон вдруг блаженно закатил глаза, снова выпустив струю черного дыма из ноздрей в своем странном “урчании”, плюхнулся на брюхо, уронив голову, а затем и вовсе перекатился на спину, растопырив лапы – Кей едва успел отползти подальше – и покосился на Зину – снизу вверх. Сначала одним глазом, потом, повернув голову – другим. И прижмурил его. И не понять, чего это огромное дитячко хочет, было невозможно.

– Маленький, – в какой-то прострации повторила Зина, обошла дракона и принялась чесать его пузо – беззащитное, неожиданно мягкое и какое-то шелковистое на ощупь. А он запрокинул голову и испустил протяжный “уррррр”, выпустив заодно целый столб дыма из ноздрей. – Маленький... Котангенс.

– Ида, – тиссу Тристобалью удалось как-то взять себя в руки. – Ида, как тебе это удалось? Ты... ты можешь ему приказывать? Это связь?

– Зинка, – одновременно с ним слабым голосом заговорила Ада. – Зинка, ты совсем одурела? Ты куда грабли-то тянешь? Щас эта змийюка летучая как тяпнет...

На самом деле выразилась она не совсем так – в выражениях она никогда не стеснялась, а сейчас и вовсе говорила на эмоциях.

Зинаида собиралась ответить тиссу Трестобалью, что приказывать коту – гиблое дело, а Зинке – что вовсе она не о... дурела, но – опять не успела.

Потому что на поляну снова упала крылатая тень. И на сей раз она не только казалась с перепугу, а была действительно огромной – в несколько раз больше малыша-дракоши.

– Мама, – пробормотала Зинаида, чувствуя как подгибаются коленки. И сама не поняла, что это было: выражение страха, детский призыв к тиссе Виленто или просто констатация факта. Потому что сомнений в том, что на поляну рядом с ней приземлилась именно драконья мама, не было никаких. И в ней ничего кошачьего не было совершенно однозначно.

Когда-то Зинаида читала в статьях в Интернете о том, что, встретив в лесу медвежонка, ни в коем случае не стоит к нему приближаться и пытаться играть или гладить – где-то рядом может оказаться взрослая медведица, и она, как любая мать, вряд ли одобрит всяких посторонних дядек и теток, нагло тянущих загибающие лапы к ее ненаглядному дитятку. Помнится, тогда ей все эти советы казались на редкость идиотскими – ну кому, в самом деле, придет в голову обниматься с диким зверенышем, очевидно же все про маму... а вот.

Чешуйчатая мать недовольно рыкнула, выпустив из пасти небольшой язычок пламени. И в ее рычании ничего дружелюбного и кошачьего тоже не было.

Детеныш моментально перевернулся и одним движением вскочил на лапы – Зинаида только отшатнулась. А потом... потом этот котодракончик таким же слитным неуловимым движением метнулся и мгновенно оказался между ней и взрослой драконицей, заслоняя девушку собой.

– Уррррууааауууу! – звук, который он испустил, вообще было сложно с чем-то сравнить.

Драконница же только фыркнула – и Зинаида могла бы поклясться, что прозвучало это добродушно-насмешливо. А гигантская крылатая ящерица подняла свою огромную лапу – захотелось зажмуриться, но девушка боялась упустить что-то и продолжала смотреть во все глаза. Коротко замахнувшись, дракономать... шлепнула своего ребенка по задку. Раз и другой.

А потом подхватила его зубами за шкварник – и впрямь как кошки носят котят, и драконьш покорно обвис, принимая свою судьбу. Не обращая больше на людей ни малейшего внимания, драконница пару раз взмахнула крыльями, подняв ветер, и взмыла, унося свою драгоценную ношу.

Несколько минут еще на поляне никто не двигался и, кажется, даже не дышал.

– Разъедрить твою налево раскардашем! – восхищенно-ошалело выдохнула наконец нежная девица Ада. – Шоб им в жопу ветра через коромысло!

Кей же произнес длинную фразу по-византийски – и Зина, которой удалось понять только предлоги, сделала вывод, что общий смысл его тирады был примерно таким же, как у ее сестры.

А потом задвигались и заговорили все разом, выплескивая пережитые эмоции. Тиссе Тория, Ада и тисс Трестобаль одновременно кинулись к Зинаиде, чтобы ее обнять, и образовалась и вовсе странная куча-мала, в которой кто-то всхлипывал, кто-то откровенно ревел, кто-то что-то говорил, охала где-то поодаль Крита...

– Девочка пойдет со мной, – раздался вдруг спокойный властный голос, и все снова разом замолчали.

Резко отстранившись от дочерей и жены, тисс Трестобаль обернулся.

Откуда появился этот странный человек? Да и человек ли?

Глава пятая. Айсен Леган

Айсен Леган всегда был честолюбив. И его честолюбие нисколько не удовлетворял ни наследный титул, ни высокое положение в обществе, ни милости короля, ни, уж конечно, многочисленные девицы, мечтавшие о его внимании. Все это по умолчанию, по сути, полагалось ему уже по праву рождения – и казалось скучным и никчемным. Айсен Леган желал большего – и был уверен, что добьется всего сам. Его имя будут помнить потомки, студенты будут изучать его биографию и писать по ней рефераты, мальчишки будут мечтать хоть немного походить на него.

То, что драконы вырождаются, стало ясно довольно давно. Последние поколения вылупившихся в неволе уже вовсе не могли создавать проколы пространства – эти звери превратились, по сути, просто в элитный и сверхдорогой транспорт. По-прежнему самый быстрый, но – всего лишь транспорт. Более того – полуразумные когда-то твари теперь мало чем отличались от большинства других животных, а вести селекцию с учетом того, что они и так размножались до крайности неохотно, представлялось едва ли возможным. Постепенно становилось ясно: рано или поздно драконы попросту исчезнут, и остается только искать способы заменить их с помощью техники.

Над проблемой бились лучшие умы, величайшие из ритхов пытались создать летательный аппарат, способный искать точки преломлений и пронзать пространство, как делали это когда-то драконы, но никому до сих пор не удалось решить эту задачу. Айсен был уверен: просто они ищут не там.

Когда погиб его дракон, на какой-то миг у Айсена опустились руки. Казалось, что все зря, все годы его исследований, все его теории и мечты... нет, он мог, конечно, позволить себе купить нового детеныша дракона – это дорого и непросто, но только не для него. Но был ли в этом хоть какой-то смысл? Изменится ли что-то с новым драконом?

Так он думал, пока однажды не наткнулся на бредовую статью такого же безумного исследователя, высмеянную всем научным сообществом ритхов – ее автор предположил, что вырождаются, возможно, лишь драконы в неволе. Диких драконов осталось так мало, что проверить, способны ли они, как их предки столетия назад, пронзать пространство, не представлялось возможным, и теория, основанная на сомнительных умопостроениях и шатких предположениях, казалась недоказуемой.

Но Айсену Легану именно она дала надежду. Что если отыскать детеныша дикого дракона и привязать его к себе? Вполне возможно, что тогда удастся наконец действительно изучить механизмы таинственных способностей этих животных – и повторить их.

Автор той самой теории оказался глубоким стариком, и ему, уж конечно, не пришлось бы и в голову выслеживать дикого дракона, чтобы доказать что-то. Да и как их выследишь? Их пойдти найди теперь, да еще не спугни. Тем более, если они и впрямь по-прежнему способны пронзать пространство, то и удирать будут так, что не отыщешь и не догонишь никогда.

И все же Айсену это удалось. Он выследил молодую самку, свившую гнездо высоко в горах, и годами наблюдал за ее логовом – когда она отложила яйцо, и когда детеныш наконец вылупился. Он расставил свои следилки повсюду, чтобы точно не пропустить момент первого вылета. Раньше времени связь установить не получится – мать не позволит, но и давать зверю слишком взростеть нельзя, иначе он сможет чересчур успешно сопротивляться, а то и ускользнуть – и тогда все придется начинать сначала.

Забеспокоился он спустя десяток лет – драконьи детеныши растут медленно, медленнее даже ритхов и людей, но все же к десяти годам обычно начинают понемногу выползать из гнезда, а некоторые уже и пробуют крылья. Но его – Айсен давно привык уже считать этого

детеныша собственным – его звереныш почему-то по-прежнему сидел в своей пещере, а мать-драконица все так же носила ему добычу, разрывала на куски и бросала в раззявленную пасть дитяти, как будто оно вылупилось всего пару лет назад.

Айсен не понимал, что происходит. Может, ему попался нездоровый детеныш? А может, дикие просто развиваются медленнее? Что вообще сейчас известно о диких драконах? Кто и когда в последний раз наблюдал за ними всерьез?

Ритх решил еще несколько лет понаблюдать, ничего не предпринимая. И в конце концов его ожидание было вознаграждено. Почувствовав сработавшую сигналку, он немедленно рванул к гнезду – чтобы стать свидетелем долгожданного первого вылета молодого дракона. Детеныш, столько лет просидевший в пещере, скакал и прыгал по скалам, беспорядочно молотил крыльями и регулярно падал – благо за всем этим снисходительно наблюдала драконица-мать, периодически его подхватывавшая за шиворот.

Было ясно, что перехватить его пока невозможно. Нужно ждать, когда детеныш начнет вылетать без матери. Главное – не упустить тот самый момент. Поэтому Леган, недолго думая, обустроил себе убежище в скалах, невидимое ни от гнезда, ни сверху, и спрятал в нем свой магоплан – чтобы в случае чего мгновенно пуститься в погоню. На время он переселился в это укрытие, чтобы наблюдать непрерывно, и лишь изредка ночами возвращался домой, чтобы пополнить запасы провизии.

Жить в скалах пришлось без малого два месяца. И в это утро он, как обычно, наблюдал из своего укрытия, как улетаала на охоту драконица-мать.

А потом из пещеры вдруг выпорхнул дракончик – и, слегка вихляясь, полетел куда-то в противоположную от матери сторону. Это же тот самый шанс! Подхватив магоплан, Айсен рванул следом – но разве угонишься на нем за драконом, пусть даже очень юным и едва вставшим на крыло!

Магоплан летает медленно, скорее парит. Зато у него есть и неоспоримые преимущества перед всеми прочими средствами полета: малый размер и главное – бесшумность. Для того, кто следит за драконами, последнее решает все.

К тому моменту, когда удалось нагнать драконыша, тот уже приземлился на одном из человеческих островов. И Айсен Леган имел неудовольствие наблюдать совершенно безумную сцену.

Какие-то люди перепугались при виде его дракона – вполне естественно, впрочем. А вот дальнейшее оказалось совершенно не естественно. Потому что ненормальная человеческая девчонка принялась вдруг разговаривать с диким драконом! Хуже того – гладить его!

Айсен настолько опешил от происходящего, что впал в некий ступор. И отмер, лишь когда драконыш зашипел на собственную мать, заслоняя девчонку. Не было никаких сомнений: дикий дракон защищал девицу. Человека.

Именно это заставило Айсена присмотреться к происходящему вторым зрением – и понять, что все даже более безумно, чем могло бы показаться. У девицы была связь с драконом. Вполне закрепившаяся, надежная. Этого абсолютно не могло быть, ведь связь с драконами доступна только ритхам, основана именно на их магии. И тем не менее – связь была ясно видна, хоть и какая-то... неправильная?

А еще это значило, что для него, Айсена Легана, дракон теперь непригоден. Установить с ним новую связь не получится. Его дракона увела человеческая девчонка.

Кое-как совладав со своими эмоциями, ритх осознал главное: девицу нельзя упускать. Как бы там ни было, ее связь – уникальное явление, нуждающееся в изучении. А кроме того, сам по себе связанный дикий дракон слишком ценен, чтобы можно было пренебречь всем произошедшим.

И Леган, оставив магоплан, решительно направился к людям, бестолково обнимающимся и восклицавшим что-то.

– Девочка пойдет со мной, – сообщил он то, что казалось ему совершенно очевидным. В конце концов, эти люди не могут быть так глупы, чтобы не понимать его правоты.

Человеческий мужчина, отпустив своих женщин, шагнул к нему и нахмурился.

– Что вы имеете в виду? Так это были ваши драконы? Вам стоило бы лучше за ними следить, они напугали мою семью...

– Вы плохо слышите? – Айсену было сейчас не до бессмысленных расшаркиваний. Да и было бы с кем! – Мне нужна эта девочка. Я ее забираю.

– Вы не можете забрать мою дочь! – сердито возразил мужчина. – Смею напомнить, между людьми и ритхами цивилизованные отношения, а действующие межгосударственные соглашения...

– Что за глупости, – раздраженно прервал его Леган. – Я же вижу, что у вас их две. И совершенно одинаковых. Не думаю, что ваш король станет портить отношения с ритхами из-за какой-то...

– Из-за юной тиссе, наследницы уважаемого высокого рода, вы хотели сказать? – язвительно парировал человек.

Не могла эта девица оказаться какой-нибудь безродной! Впрочем, у безродной вряд ли был бы шанс установить связь, и так-то совершенно непонятно, как ей это удалось... крух! Придется договариваться.

– Вы видели, что ваша дочь привязала к себе дракона?

– Что?! – это вскрикнула уже женщина, которая, как насадка, обнимала обеих одинаковых девиц. – Но это...

– Невозможно, я знаю. Более того: я точно знаю, что этот дракон – дикий. Вы сами должны понимать, насколько все это рискованно. И связь вашей дочери с драконом нуждается в изучении. За ней должны присматривать компетентные драконологи.

– И тем не менее, – решительно возразил мужчина, – об этом не может быть и речи! Я в состоянии обеспечить безопасность своей семьи. Тем более, что моя дочь нездорова! Она совсем недавно научилась разговаривать, ничего не знает о мире...

– Она слабоумная? Или сумасшедшая? – холодно уточнил Леган. Может, разгадка связана с ее безумием?

– Нет! – негодование человека можно было черпать ложкой. – И я бы попросил вас все же придерживаться принятых в цивилизованном обществе правил вежливости!

Ритх поморщился. Ну да, он слегка отвык от светского политеса, и тем обиднее сознавать правоту собеседника, учитывая, что отчитывает его человек, пусть даже и тисс. А все же как все это досадно!

Впрочем... в ближайшие несколько лет юный дракон будет расти под присмотром матери, и она все равно не отпустит его далеко или надолго. А вот когда он подрастет и покинет гнездо, связь неизбежно притянет его к хозяйке. И вот тогда... Идея, пришедшая в голову Легану, показалась просто гениальной. В самом деле – никуда эта девчонка от него не денется!

– Сколько лет вашей дочери? – без всяких предисловий спросил он.

– Скоро будет четырнадцать, – человек слегка нахмурился. – Почему вас это заботит?

Превосходно! Просто идеально!

– Значит, через три года с небольшим ей придет время получать образование, – спокойно пояснил ритх. – Она должна поступить в Облачную академию, на факультет драконьей авиации. Полагаю, вы сами должны понимать, что ей необходимо будет научиться обращаться со своим драконом. Зверь года через четыре окончательно покинет гнездо и неизбежно прилетит к ней. И они оба должны быть в это время под присмотром – не вашим, а знающих ритхов, которые умеют обращаться с драконами! Думаю, в этом случае даже ваш король не сможет ничего возразить. По сути, вашей дочери предлагается привилегия – Облачная акаде-

мия самое престижное из учебных заведений обеих стран, вряд ли вы бы могли рассчитывать на такую честь...

Человек только хмыкнул.

– Старшие дети нашего рода всегда учились в Облачной академии. Наш родовой дар идеально...

Леган замешкался лишь на секунду. Действительно, академия была межгосударственной, хоть и находилась на территории ритхов, и то, что в ней учится немало людей, всегда вызывало у него легкое недоумение. Впрочем, сейчас это оказалось на руку, так что он прервал собеседника.

– Тем лучше. Значит, даже ваши планы нисколько не изменятся – она просто пойдет на другой факультет.

– Но Ида – младшая.

– Что ж, значит, поступит вместе с сестрой, может, им будет легче, просто пойдут на разные факультеты.

– Погодите, – это вмешалась женщина. Позволять себе влезать в мужской разговор – все-таки у людей исключительно наглые и непочтительные женщины! Ох, намучаются они еще с девчонкой... – Как Ида может пойти на драконий факультет, там ведь учатся одни ритхи, и программа обучения...

– Ничего, – Леган чуть высокомерно усмехнулся, решив не осаживать нахалку – пусть с этим разбирается ее муж. – С программой мы разберемся, – учитывая, что девица даром никому не нужна в качестве студентки, зато бесценна как объект изучения, программа и связанные с ней сложности девчонки – последнее, что волновало ритха. – Можете считать, что она уже принята. Заранее и заочно. Моя фамилия – Леган, если вам это о чем-то говорит. Ройс Айсен Леган. И уж место на драконьем факультете я ей обеспечу.

Вряд ли эти люди, если в их роду действительно кто-то получал образование в Облачной академии, могли ничего не слышать о семье Леган, потомственных драконологов, к тому же связанных родственными узами с королем ритхов. Особенно если учесть, что декан драконьего факультета носит ту же фамилию и приходится Айсену кузеном.

– Что ж, – человек слегка приподнял брови. – Я и в самом деле не имею ничего против поступления своей дочери в Облачную академию...

– Но, Трис... – это снова влезла беспардонная женщина – видимо, мать девчонки.

– Оставь, Тория, мы обсудим это позднее. И с девочками тоже. Что до вас, ройс, – мужчина снова обратился к ритху, проницательно прищурившись, – я надеюсь, вам тоже знакома наша фамилия. Мою дочь зовут Ида Виленго, и надеюсь, не нужно объяснять, что это значит. Она отнюдь не беззащитна. И если отправится учиться в Облачную академию, то станет именно студенткой, а не подопытной... или на что вы там рассчитывали.

Крух! Наверное, здесь стоило бы смутиться – если по-честному, человек действительно уел ритха. Леган был так раздосадован и одновременно заинтригован происшедшим, что ему и в голову не пришло, что он говорит с ровней, даже когда собеседник назвал себя высокородным тиссом. Сколько их, этих тиссов!

В сущности, людей вообще было так много, и среди них было так мало тех, кого высокородный ритх мог бы назвать относительно равными себе, что этих немногих он обычно просто не принимал в расчет, заранее полагая, что случайно встреченный человек, пусть даже благородного происхождения, безусловно, несоизмеримо ниже него и по положению, и по магическим способностям.

Увы, род Виленго относился как раз к этим немногим. Один из нескольких оставшихся Первых родов действительно мог тягаться по знатности – а может быть, и по магической мощи – с сильнейшими из ритхов.

А еще этот тисс с легкостью разгадал планы Айсена в отношении его дочери – по крайней мере, в общих чертах.

И, значит, с девчонкой действительно придется быть поосторожнее... крух!

– Разумеется, – сквозь зубы буркнул Леган. – Думаю, мы поняли друг друга. До встречи, тисс Виленто.

Не дожидаясь ответных прощаний и расшаркиваний, он развернулся и быстрым и четким шагом направился к своему магоплану – стоило улетать как можно скорее, чтобы не сорвать все свои эмоции на этих людях. Ссориться с родителями девчонки, пожалуй, и впрямь будет не ко времени.

– Стойте! – одна из девиц кинулась ему вслед. Была ли это та самая, связанная с драконом, Леган уже не поручился бы – эти одинаковые девчонки были еще и наряжены в платья одного цвета. Пришлось, взяв себя в руки, оборачиваться.

– Вы что-то хотели уточнить, тиссе? – прохладно, но безукоризненно вежливо спросил он.

– Да! – девчонка запнулась, будто подбирая слова, а затем выдала странное, – ты знать дракон быть что?

– Прошу прощения?

– Дракон! – настойчиво повторила она. – Ты знать что?

Ооо... “недавно научилась говорить”, да, тисс Виленто? И вы еще заверяете, что она не слабоумная! И еще хотите, чтобы в академии она была полноценной студенткой! Ну-ну... впрочем, там отец не сможет за ней присматривать, а слабоумную будет легко контролировать. Пожалуй, все к лучшему.

– Ты хочешь узнать побольше о драконах? – теперь уже сам Леган старался подбирать самые простые слова, будто говорил с ребенком. Да и обращаться к этой бедной дурочке как к тиссе показалось неуместным. – Тебе все расскажут о них, когда ты поступишь в академию. Твой отец ответит тебя туда.

– Нет, – она замешкалась, – этот дракон! Ты знать что про он?

– Этот... детеныш дикого дракона. Вылупился на острове Кийне около четырнадцати лет назад. Пару месяцев назад начал летать. Сегодня впервые вылетел из гнезда самостоятельно. Как ты установила с ним связь – я понятия не имею, но со временем она, вероятнее всего, будет усиливаться. Это все, что я могу тебе о нем сказать.

– Благодарю, – девчонка кивнула с серьезным видом.

Глава шестая. Четырнадцать лет назад

Пикник в итоге все-таки состоялся, хоть все и были нервными и взвинченными, да и разговоров за обедом только и было что о драконах и ритхе. Причем родители так бурно и эмоционально что-то обсуждали, что понимать их девочки не успевали. Крита, похоже, так и не отошла от всего происшедшего, и прислуживала господам тиссам в полном молчании. А малолетний водитель Кей, кстати, сидел за столом вместе с членами семьи, но предпочитал тоже помалкивать, как-то восторженно-изумленно таращась на девчонок.

– Зинк, – Ада зашептала, наклонившись к сестре, – а ты поняла хоть, чего этот хмырь крашенный хотел-то от тебя?

Насчет того, что крашенный, у Зинаиды были определенные сомнения.

Ритх был какого-то непомерно высокого роста – метра два, не меньше, рядом с ним она себя чувствовала козявкой какой-то. Хорошо сложен, плечи широкие, мощные, но в целом не столько мускулистый, сколько жилистый. Самыми примечательными в нем оказались волосы – длинные, до лопаток, собранные в хвост, белые с явственным голубоватым отливом. Широкие и почти прямые белые брови едва не сходились у переносицы. Слегка раскосые глаза отличались холодным прозрачно-синим цветом и льдистым рисунком на радужке. Глаза и волосы казались особенно яркими из-за довольно смуглой кожи. Острые скулы, хорошо очерченные губы, породистый нос – да, его внешность безусловно производила впечатление. Хотя с первого взгляда она назвала бы его не столько красивым, сколько странным. Как лысый кот – несомненно красивый зверь, но к такой красоте сначала надо привыкнуть.

В любом случае главное, что она бы сказала о нем, – высокомерный сноб. Точно – хмырь. Зинаида пожала плечами.

– Хотел куда-то забрать. Дракон ему зачем-то нужен, кажется. В любом случае пока тисс Тристобаль меня отстоял. Будем решать проблемы по мере их поступления.

– А ты от него чего хотела?

– Я... мне надо кое-что еще обдумать. Я подумаю и потом расскажу тебе о своих выводах, хорошо?

– Ну думай-думай, – хмыкнула вредная сестрица. – Индюк тоже думал, да в суп попал. Смотри, как бы и тебя не того. Задумал шо-то этот Мальвин-засранец, точно тебе говорю.

– Кто?! – Зина даже поперхнулась от неожиданности, подавившись каким-то местным фруктом, который как раз дегустировала.

– Мальчик с голубыми волосами, – Ада пожала плечами. – А шо?

Зинаида спрятала улыбку.

То, что ритх что-то задумал, сомнений никаких не вызывало, но это пока представлялось не главной проблемой – несколько лет впереди. Куда важнее казалось понять, что с ними обеими уже произошло. Собственно, кое-какие выводы для себя она уже сделала, оставалось только логично обосновать их и объяснить хотя бы самой себе – а уж затем и подруге по пападанству.

Думала она до самого вечера, а с сестрой заговорила, когда они наконец остались наедине – отговорившись усталостью после поездки, Зинаида попросилась спать пораньше.

– Понимаешь, – начала она, уже лежа в постели и глядя в темноту. Так оказалось легче говорить о странных и почти безумных вещах, – этот дракон, ты же видела все. Я... я его узнала.

– Шо? Ты где дракона-то могла видеть?

– Это не дракон. То есть сейчас дракон, но... это мой кот. Я знаю, это звучит глупо и странно, но я не сошла с ума, честно. Знаешь, я много раз думала о том, что когда мы привя-

зывается к животным, мы начинаем воспринимать их морды так же, как лица людей. Я совершенно точно узнала бы своего Котангенса в любой толпе таких же рыжих котов. Но, оказывается, дело не только во внешнем виде. Повадки, движения... Котангенс очень любил, когда ему чешут пузо, но доверял его только мне. Это не всем котам нравится, но он любил. Он совершенно так же подсовывал голову мне под руку, и так же падал на спину, и вот этот взгляд – сначала одним глазом, потом другим, и прижмуривался потом... и... он откликнулся на имя, я видела. Я думала, что точно схожу с ума, но он откликнулся. И еще у него глаза – точно такие же рыжие глаза.

– Фигню говоришь, – авторитетно изрекла Ада. – Шоб он тут делал вообще, кошак твой?

– А мы что тут делаем? Мы же как-то здесь оказались.

– Так ты ж сама сказала – померли мы там.

– Котангенс тоже умер. Тогда же, когда и мы. Похоже, нас всех троих разом сюда забросило. Не знаю уж, есть ли у кошек души или у них и впрямь девять жизней...

– Ага, мы-то бабами были, бабами и стали. А с какого ж это перележу твой блохастый одраконился?

– Ну, – с достоинством ответила Зинаида, – он был хорошим котом и всегда какал в лоток. Наверняка он заслужил себе хорошее посмертие. Ты же сама слышала – тисс Тристобаль с этим... Мальвином говорили, что у меня какая-то связь с ним. Откуда бы она взялась? Мне кажется, она как раз оттуда – из прежней жизни... Как думаешь?

– Думаю, шо жрачки ты на такого кошака не напасешься, вот шо.

– Тьфу ты... ладно, не об этом сейчас. А у того мужика я спрашивала, что он знает об этом дракотике. Я тогда, если честно, была уверена, скажет – ему пара месяцев, ну потому что мы все пару месяцев как умерли там и оказались здесь... а оказалось, что драконы растут медленно. Этому детенышу примерно столько же лет, сколько и нам. Только вот летать он начал как раз пару месяцев назад. Ничего не напоминает?

– И шо?

– А то... я тут посчитала и попросила у Криты календарь, чтоб уж наверняка сопоставить даты. И, знаешь, интересная вещь у меня выходит... Ты помнишь, что было четырнадцать лет назад – с нами? Речку помнишь? Польшню?

– Уж забудешь такое... – вздохнула темнота.

Тогда, четырнадцать лет назад, Зинаида только-только в первый раз переехала в станицу. Возвращение и новый побег будут позже, годы спустя. А тогда она, двадцатилетняя Зина, обмирала от собственной смелости и сомнений, и совсем еще не была уверена, верно ли поступила и как ей быть дальше. Вечерами она не знала, куда себя деть, и от одиночества, отчаяния и сознания собственной никчемности хотелось выть. Или хуже того – набрать тот самый номер.

Котенок ее спас тогда.

Котенка она нашла возле магазина – какого-то до нереальности мелкого, тощего, облезлого и страшенького, с уродливой рахитичной спиной и сильно закисшими, даже не открывшимися еще до конца глазами. Грязен он был до того, что невозможно было даже определить с уверенностью масть.

– Кошку тут машина на днях задавила, – равнодушно пояснила продавщица. – А этот остался, видно. Втопить бы его, да сам помрет скоро.

Звереныш вызывал слегка брезгливую жалость, но просто уйти она не смогла.

Сразу нашлась масса дел: разыскать ветеринара, который здесь, в станице, занимался в основном коровами и смотрел на нее, как на блаженную; найти средство от блох и глистов, подходящее такому малышу; съездить в райцентр за бесчисленными лекарствами и специальным кормом – как потом окажется, пищеварение у кота нарушилось безнадежно, так что дорогой

специализированный корм ему пришлось покупать постоянно. Из-за корявого позвоночника и вечно загнутого хвоста тощий котенок напоминал синусоиду, и Зинаида хотела назвать его Синусом. Но он так возмущенно мявкнул и выгнулся, что поименован был в итоге Котангенсом. Ей почему-то показалось, что Котангенс – это звучит гордо. А сокращенно – Котя или даже просто Кот.

Страшненький котенок медленно, но верно превращался в роскошного рыжего красавца-кота, который составлял ей единственную компанию одинокими вечерами. Она потихоньку привыкала к новой жизни, устроилась даже на работу в школе – временную, как она тогда думала.

А потом произошел тот самый случай.

Зина, приехавшая сюда специально, чтобы побыть одной, разобраться в себе и принять верное решение, редко выходила из дома куда-то кроме работы или ближайшего магазина. Конечно, с появлением кота забот прибавилось, но в райцентр она все равно выбиралась не так уж часто.

А вот на кладбище время от времени ходила. Чувствовала свою вину – и знала, что теперь поздно, ничего не исправить, бабушке уже все равно. И все-таки ходила, будто нарочно издеваясь над собой, беря эту рану. Весной собиралась посадить на могиле цветы, посеять траву. А сейчас, зимой, просто приходила иногда – постоять, помолчать, мысленно попросить прощения и сказать “спасибо”. За все – за то, что ей было куда бежать, за то, что кто-то понял, почувствовал, что с ней происходит, а главное – просто за то, что у нее была такая бабушка.

В тот раз она тоже шла с кладбища. И уже за оградой ее нагнала бабка Зинка – к мужу, видимо, на могилу ходила. С соседкой она была тогда знакома шапочно.

– Ой, Зинка, а ты к Зине поди ходила?

“Какое-то огромное количество Зин на квадратный метр”, – подумалось ей тогда. Покойная бабушка, соседка, она сама... и имя-то сейчас довольно редкое, казалось бы.

– А я к Ваське своему. А нам по пути как раз, вместе пойдем, все веселее.

“Вот уж веселье”, – с неудовольствием размышляла Зина, но грубить пожилой соседке, конечно, не стала.

– А ты шо, дорбгой идти собралась? Та пошли напрямки, через речку, скорее дома будем, холодина-то какая, а ты ще в обход собралась! Смотри, баба Зина плохому не научит, вот тут напрямки и пройдем...

Дорога от кладбища выводила к другому краю станицы, и идти по ней до их улицы и в самом деле было неблизко. А “напрямки” – это, значит, через “речку”. На самом деле это было озерцо-старица – река текла здесь когда-то, да потом ушла в сторону. Своего названия у продолговатого водоема, где купалась местная детвора летом, не было, и называли его все просто “речкой”. Был через нее и мост – но тоже в стороне.

“Речка” замерзала далеко не каждую зиму – здесь, на юге, зимы нечасто выдавались морозными. Но эта зима оказалась настоящей, хоть и недолгой – со снегом и даже метелями, озерцо застыло, и дети катались по нему на коньках, а когда его заносило снегом – в нем протапывали тропинки.

Сама Зина ни за что не пошла бы через “речку” – все-таки февраль, снег стал ноздреватыми местами, солнце нет-нет да показывается, и не столько холодно уже, сколько промозгло и ветрено. Хотя дети вон играют на той стороне. В любом случае ей просто не пришлось бы в голову спрямлять путь таким образом.

Но ведь не отпускать же старушку одну? Пожилой человек, поскользнется еще, сама не встанет. А отговорить бабку Зинку, если она все для себя решила – задача практически невыполнимая.

Вот и пошли они “через речку” – бодро семенящая бабка Зинка и покорно-уныло бредущая за ней Зина.

Наверное, в какой-то момент она все же слегка отстала – и именно поэтому не успела подхватить соседку под локоть. Нога старушки вдруг поехала, и та, не сумев удержать равновесие, плюхнулась об лед всем весом. И тот треснул.

Когда Зина потом вспоминала об этом, ей казалось, что все происходило как в замедленной съемке: вот старуха медленно-медленно едет, как-то нелепо вскинув одну ногу и взмахнув руками, вот ударяется задом об лед, вот змеится по белесой поверхности льда трещина... но на самом деле все случилось очень быстро. Пара секунд – и вот бабка Зинка, склочная и приставучая старуха-соседка, уже в ледяной полынье, пытается крикнуть, но хрипит почему-то, заполошно хватаясь руками за края полыньи и отламывая все новые куски льда – какой же он, оказывается, тонкий! – а вот трещина уже бежит ей, Зине, под ноги.

Единственное, что она сделала тогда вполне сознательно – это отбросила подальше в сторону свою сумку. А дальше были уже, кажется, чистые инстинкты: тонет человек – надо спасать. Она упала на живот, протянув руку, и бабка Зинка схватилась за нее. Резко рванув на себя и в сторону, девушка выдернула старуху из полыньи, как репку из грядки, и практически швырнула в сторону – и откуда только силы взялись? – следом за сумкой, так что бабка проехала немного по льду на животе.

Вот только от резкого движения проломился наконец лед под ней самой – и теперь в резко выросшей полынье барахталась уже Зина, безуспешно пытаясь зацепиться за твердый край. Мгновенный шок от погружения в ледяную воду сковал сознание, все тело будто прошили ледяные иголки, ноги моментально свело судорогой, а пальцы рук отказывались сгибаться и соскальзывали. Резко потяжелевшая шуба превратилась в тяжелые путы, сковывающие движения и тянущие вниз.

“Вот и все, – мелькнуло в голове. – Как глупо”. Бабка Зинка, конечно, ничем не сможет ей помочь, хоть бы сама оклемалась после такого, а вызвать она никого, конечно, не успеет.

“Ну и ладно, – пальцы снова соскользнули, – может, так и лучше”.

А потом ей вдруг будто наяву пригрелся жалобный мяв. Котангенс! Как же он тогда? Он не выживет без нее. Некому будет покупать ему особый корм, возить на процедуры... да вообще его, пожалуй, долго никто не найдет там, в запертом доме, и умирать он будет медленно и мучительно...

И Зина тогда со всей ясностью осознала: она не имеет права так поступить с Котангенсом. Просто потому что он ей – верит. Он сейчас там, дома. Ждет. И она не может его обмануть. Потому что так нельзя поступать с теми, кто нам верит. Потому что у него и для него больше нет никого.

Как она выбралась из той полыньи – она сама потом не смогла бы объяснить или хотя бы ясно вспомнить. Следующим четким воспоминанием было то, как она негнуцимися деревянными руками ищет в своей сумке телефон, а рядом стонет бабка Зинка.

Первая внятная мысль была о том, что она не знает, как вызывать скорую с мобильного. А вторая – что скорую, наверное, и не надо, здесь она едет, случается, по часу.

Повезло – последним набранным номером был телефон коллеги, немолодого химика, который, охнув, тут же растолкал зятя и уже через пятнадцать минут загружал обеих мокрых окоченевших женщин в зятеву машину. Еще через десять минут они были в местной амбулатории.

Соседка оказалась на редкость крепкой старухой – уже пару недель спустя Зина видела ее все так же бодро семенящей по переулку и слышала, как та в очередной раз на всю улицу обсуждает и осуждает кого-то. Сама Зина тогда слегла с воспалением легких и общим обморожением – но от госпитализации отказалась, лечилась дома. Бабка Зинка регулярно отправляла к ней невестку – то с лекарствами, то с тарелкой горячего борща.

И все то время, пока Зина ходила в туалет по стенке и кашляла так, что казалось, скоро выплюнет легкие, Котангенс не отходил от нее. Он спал у нее на груди, щекотал лицо огром-

ными усами, и первым, что она видела каждый раз, когда просыпалась, были оранжевые кошачьи глаза. “А ведь ты снова меня спас, рыжий”, – думала она тогда.

– Забудешь такое... и шо?

– А то, что, похоже, мы должны были умереть тогда. Ну, мне так кажется. Котангенс меня на мысль натолкнул. Мы должны были умереть одновременно, в той полынне, и здесь, в этом мире, вскоре родились девочки... которыми мы должны были стать. А мой кот – он был не слишком здоров, и без меня он тоже, наверное, не выжил бы... а может, он должен был погибнуть еще раньше, это случилось бы, если бы я его не нашла. И здесь вылупился детеныш дракона, которым должен был стать он. Вот только мы не умерли, и Котангенс тоже. И получились девочки... лишенные души. Они здесь росли, а мы, их души, продолжали жить те свои жизни. Мы оказались связаны каким-то образом, и второй раз снова умерли вместе – на этот раз действительно умерли. И наши души притянуло в те самые тела, что родились для них еще четырнадцать лет назад.

– Ой, наворотила... ну и шо это все значит?

– А значит это – как минимум то, что мы с тобой не занимали ничьи тела. Не умирали здесь никакие девочки, – эта мысль до сих пор мучила, и теперь Зина наконец смогла вздохнуть спокойно: она именно на своем месте, и можно действительно перевернуть страницу. – Это наши тела и есть, понимаешь? По праву наши. И жизнь – наша. Просто следующая. И мы на самом деле в этой жизни – сестры. Мы на самом деле дочери своих родителей, этих родителей, просто мы... припозднились. Зато у нас теперь есть бонус – память прошлой жизни и все знания и опыт из нее.

– Ну и шо нам с ними делать теперь?

– Теперь? – Зина улыбнулась в темноту. – Я думаю... жить. А знания никогда не бывают лишними, это я тебе как педагог говорю. Все, что мы должны были узнать за эти годы здесь, мы быстро наверстаем. Зато у нас за плечами – не четырнадцать тепличных лет, а много больше. Да мы с тобой еще тут еще все вверх дном перевернем!

Глава седьмая. О сложностях размножения магов и воспитания драконов

– Итак, юные тиссе, сегодняшний наш урок посвящен природе магии в целом и родовым дарам Виленто в частности. Но начать придется издалека – с древней истории мира и даже с той ее части, что известна лишь по легендам.

Старичок-учитель поправил круглые очки, назидательно подняв палец.

– Лучше бы учили нас уже этой вашей магии, – недовольно буркнула Ада.

– Обращаться с даром вас будут учить члены вашей семьи – никто другой этого не сможет сделать. Но сначала вам потребуется теоретический базис – и я попросил бы отнестись к этому со всем вниманием, юная тиссе!

Ада протяжно застонала и уронила голову на свою парту.

Под учебный класс им оборудовали одну из комнат в угловой башне. Собственно, стоило Иде заикнуться, что она хотела бы жить в башне, как счастливый успехами дочерей отец радостно отдал им всю башню целиком. На первом этаже в ней располагался холл с винтовой лестницей, на втором – служебные помещения, на третьем – учебный класс и комната прислуги. Каждой из сестер досталось по комнате с личной ванной на четвертом этаже, под самой крышей. К счастью, башня была скорее декоративной и вряд ли служила когда-нибудь в оборонительных целях, а потому и окон в комнатах хватало – стрельчатых, высоких и узких, зато расположенных часто, а верхний этаж вдобавок опоясывал неширокий балкон с витыми перилами.

А еще все по той же винтовой лестнице можно было попасть на крышу башни, огражденную широкими каменными зубцами. Там не было ничего, кроме ветра и солнца, зато оттуда открывался замечательный вид на островерхие крыши городка в долине и горы вокруг. И обе девочки полюбили туда ходить в свободное время – просто поваляться на расстеленных пледах, глядя в небо, обсудить прошедший день или помечтать.

А иногда и поплакать – например, когда Зинка, вдруг осознав, что все это – навсегда, поняла, что внукам и правнуку ее теперь расти без ее неусыпного надзора, что младший сын-непутеха теперь наверняка запьет, а курва-невестка так и не научилась печь его любимые пироги. Пока Зинка, захлебываясь, говорила о внуках, ее новоявленная сестра думала о собственной семье и о том, что мама, как бы мало ни было между ними понимания, все же точно не заслужила того, чтобы хоронить дочь. И как жаль, что они так и не поговорили по душам. Да и с отчимом стоило бы все же поговорить по-человечески. Ведь он действительно любил ее маму и делал ее счастливой, а это уже совсем немало. И уже поэтому она, Зина, была ему благодарна. Кончилось дело тем, что сестры Виленто от души проревели весь вечер, обнявшись на крыше, цепляясь друг за друга и захлебываясь рассказывая о своих родных, оставленных в ином мире и в другой жизни. И от этого почему-то обеим становилось легче.

Однако большая часть их времени по-прежнему была занята учебой, и сейчас им предстоял целый бесконечный урок с тэром Сейло – самым занудным из всех нанятых тиссом Виленто учителей. Зато, по словам отца, он был одним из виднейших специалистов по истории магических родов, даром что сам магией не обладал. В глубине души Ида считала, что лучше бы тэр Сейло был чуть менее видным специалистом, зато обладал хоть толикой педагогического таланта. Может быть, тогда Ада не норовила бы заснуть на каждом его уроке.

– Итак, согласно легендам, наш мир создали трое древних богов, ныне предположительно покинувших нас: Тейн, Лагос и Римейя. Римейя приходилась супругой Тейну и сестрой Лагосу. Последний создал расу ритхов, живущих на небесных островах, и наделил их магией. Их было

немного, и дети среди них рождались редко, зато и жизнь у них была долгая. Римейя и Тейн создали людей – сначала как немагическую расу. Зато люди быстро плодились и расселялись по островам. Ритхи всегда относились к ним свысока, считая немногим умнее животных.

В конце концов, обидевшись за своих созданий, Римейя решила наделить людей магией. Чтобы не нарушать баланса в мире, она одарила силами лишь немногих избранных, дав каждому из них свой особенный дар, который он мог передать потомкам.

Однако, как оказалось, у этого подарка была и обратная сторона. Если обычные люди могли производить на свет сколько угодно детей, то у магов возникли с этим определенные сложности. Для рождения ребенка им необходимо провести особый ритуал при заключении брака – ритуал, включающий одного из супругов в род другого. Детям передается только магия этого рода.

В семье магов рождается, как правило, не более двоих детей. Родовой дар – так называемый дар старшей крови – передается ребенку, появившемуся на свет первым.

– Тэр Сейло, – прервала лекцию Ида. – А если рождаются двойняшки? Они же развиваются одновременно.

– Это не имеет значения. О генетике в магических родах мы с вами можем поговорить позднее факультативно, если пожелаете. Двойни, кстати, в магических родах рождаются часто, а вот близнецы – не чаще, чем у обычных людей. Старший дар крови в любом случае наследует только один ребенок, тот, что первым родился. В каждой магической семье есть один старший дар крови, сила которого зависит от древности рода, и несколько более слабых младших даров. Второй ребенок получает один из младших даров – вывести закономерность, по которой может выпасть тот или иной дар, до сих пор никому не удалось...

– То есть дар моей сестры, как я понимаю, известен, а мой – лотерея?

– Можно сказать и так.

– А какой у меня дар? – встрепенулась Ада.

– Старший дар крови рода Виленто – управление потоками газов, – тэр Сейло даже не обратил внимания, как разочарованно вытянулось лицо Ады, а вот Ида мысленно усмехнулась. Ну да, это тебе не волшебная палочка. – Вообще-то любых газов, но наибольшее практическое применение находит, конечно же, управление потоками воздуха как самой распространенной смеси газов. Поэтому чаще всего для простоты ваш дар называют магией ветра, или воздуха. Учитывая родовую силу, потенциально вы можете вызывать ветер или даже бурю, менять погоду, переносить большие массы по воздуху... словом, применений у вашего дара множество.

Ада-Зинка проснулась окончательно, глаза ее наконец загорелись.

– А шоб там суп сам сварился или полы помылись?

Ида тихонько хрюкнула к кулак.

– Эээ, – тэр Сейло слегка поперхнулся. – Боюсь, насчет супа... хотя вы можете направленным воздействием воздуха вымести, скажем, пыль из своей комнаты.

– О! Вот это дело, это я понимаю. А когда мне покажут, как для этого руками махать? Или это говорить шо-то надо?

– Кх-хм. Как я уже говорил, обучать родовой магии вас будут члены вашей семьи. В данном случае – как я понимаю, ваш дядюшка, когда вернется из очередного рейса. Сейчас же я бы хотел продолжить нашу лекцию...

– Ууу... – Ада снова уронила голову на парту. Впрочем, тэр Сейло все равно этого, кажется не заметил или не обратил никакого внимания.

– Итак, передать потомкам старший дар крови может любой из двоих детей семьи, независимо от пола и старшинства – но для этого он должен принять супруга в свой род. И поэтому же второй должен войти в род супруга – чтобы как можно больше магических семей имели возможность передать потомкам свое наследие. Если маг младшей крови входит в чужой род,

он берет фамилию супруга. Если маг старшей крови входит в чужой род, он берет двойную фамилию: первая говорит о даре, которым владеет он сам, вторая – о даре, который наследуют его дети. Например, ваш дядюшка, старший брат вашего отца, будучи сам магом старшей крови рода Виленто, вошел в семью своей жены – Аганти, и носит фамилию Виленто Аганти. В то же время ваши родители оба являются магами младшей крови своих родов. Однако тиссе Тория вошла в семью супруга, и именно они передали своим детям дары рода Виленто.

Кстати, из-за особенностей наследования дара у магов мужчины входят в род жен так же часто, как и наоборот. У тех же ритхов общество патриархально, и у них всегда жена берет фамилию мужа. Полагаю, это можно считать своего рода наследием их создателя Лагоса, который и жены не имел, и сестру-то не слишком уважал, а поговаривают, что и вовсе был жено-ненавистником... Впрочем, вам беспокоиться не о чем. Вы – наследницы одного из человеческих Первых родов. Кхм. Так о чем это я.

Из-за того, что наследие предков передает лишь один из двоих детей, роды иногда прерываются. Скажем, один из детей уже вступил в брак, войдя в род супруга, а второй погиб, или вдруг по какой-то причине погибли оба – в этом случае родовой дар угасает, даже если у их родителей все-таки появится третий ребенок.

Третий ребенок в семье магов – большая редкость, и он не наследует и не может передавать старший дар крови своих родителей. Он получает один из младших даров и передает его своим детям, основывая новый магический род. В его потомках новый старший дар крови усиливается – но все же не до силы изначальных даров.

Так магические роды постепенно обновляются – одни угасают, другие появляются благодаря редким третьим детям семей, и так магия людей, увы, со временем ослабевает. Первых родов, наделенных изначальной магией, осталось к настоящему времени всего четыре, включая род Виленто и королевский род.

– Так это мы завидные невесты теперь? – снова оживилась Ада.

– О да. Так о чем это я... Ах да! Сегодня ритхи и люди сотрудничают по многим направлениям, между нашими государствами приняты соглашения о научном, торговом, транспортном и ином сотрудничестве...

– Тэр Сейло! – Зинаида когда-то сама терпеть не могла, если ученики прерывали ее на полуслове. Впрочем, зато она любила любознательных учеников, задающих вопросы. А тэр Сейло все равно то и дело теряет нить собственного повествования. – Скажите, а какая магия у ритхов?

– Хммм... видите ли, хотя мы сосуществуем и даже сотрудничаем много столетий, мы все еще далеко не все знаем о ритхах. Они умеют хранить свои тайны. Могу рассказать лишь то, что известно доподлинно. Прежде всего, как я уже сказал, в отличие от людей, ритхов мало и маги они все поголовно. При этом, если человеческие маги обладают каждый своим уникальным родовым даром, магия всех ритхов, насколько можно судить, одинакова. Известно, что они владеют неким пространственным даром и способны в мгновение ока перемещаться между своими островами. Однако почему-то не между всеми и по желанию, а только по определенным маршрутам. Возможно, в данном случае речь идет не о магии, а о некой технологии, секрет которой они не раскрывают людям. Также они владеют магией, сходной с родовым даром Виленто – управление большими потоками воздуха. При этом движение каких-либо иных газов, а также тонкие манипуляции с воздухом им, в отличие от ваших родственников, недоступны...

Познавательная речь тэра Сейло снова была прервана самым непочтительным образом – и на сей раз, кажется, безнадежно. Потому что в распахнутую с грохотом дверь классной комнаты фурией ворвалась растрепанная хозяйка дома в заляпанном маслом комбинезоне.

– Ида! – завопила она с порога. – Немедленно угомони своего питомца! Он разгромил мою мастерскую и пожевал моего ученика! Это уже переходит все границы!

- Кей жив? – побледневшая Ида резко вскочила со своего места, опрокинув стул.
- Да! Он его выплюнул!

*

- Он его выплюнул! А потом снова поймал!

Все три тиссе Виленто небольшим торнадо неслись к выходу во внутренний двор, где располагались хозпостройки. Ада, конечно, тоже не могла остаться в стороне от такого действия – поскольку полагала, что никакое безобразие не может обойтись без ее присутствия, а то и участия. Иначе кто же потом будет в красках живописать о происшедшем слугам и отцу семейства? Иде иногда казалось, что сестренка так рьяно взялась за освоение нового языка специально, чтобы получить наконец возможность снова заняться любимым делом – сплетнями. Впрочем, чем бы она ни руководствовалась, это оказалось очень полезно.

Что в новом мире безусловно понравилось Зинаиде, так это то, что аристократы (читай – маги) здесь вовсе не бездельничали с утра до ночи, развлекаясь только балами и визитами. Собственно, авторитет и значимость аристократии держались именно на ее несомненной полезности обществу. Маги, как мужчины, так и женщины, обязательно получали профессию, чаще всего – соответствующую их способностям, и усердно трудились на благо этого самого общества.

Так, тиссе Тория Виленто, по рождению маг младшей крови из не самого высокого провинциального рода, была увлеченным механиком-изобретателем. Может, и не самая престижная профессия для тиссе, но ей она нравилась, да и оплачивалась очень неплохо, учитывая, что специалистов ее уровня не так уж много. Да что там говорить, если конструкция современных автомобилей разрабатывалась при ее участии! Семейный автомобиль Виленто, к слову, был последней модели – в точности на таком же совершал инспекционные выезды лично его величество.

Малознакомые люди с трудом могли представить себе гаечный ключ в руках нежной и хрупкой тиссе Тории с ее локонами, лентами и любовью к платьям с оборками, которые она носила всегда, когда не торчала в своей мастерской. Однако за работой она преображалась полностью: воздушное создание превращалось в увлеченного изобретателя в замурзанном комбинезоне и с горящими фанатичным огнем глазами.

В свою святая святых она мало кого допускала, а уж ключ от мастерской, кроме нее, был только у Кея, мальчишки из бедного квартала, который сразу после окончания младшей школы являлся устраиваться в дом Виленто на любую работу – посыльным, рабочим, лакеем, да хоть дворником, лишь бы иметь надежду когда-нибудь при случае напроситься в ученики к знаменитой тиссе Тории. Надежда оправдалась, случай выпал, и сейчас Кей не только выполнял в семье обязанности посыльного и водителя, но и помогал в мастерской своего кумира.

Впрочем, дракону ключей все равно не требовалось. “Года через четыре, говоришь, прилетит, да, Мальвин? Чтоб тебе икалось там, умник, с твоими прогнозами!” – думала Ида уже не раз. Котангенс разыскал ее уже через неделю после памятного пикника, и с тех пор навещался регулярно. Надо же навещать любимую хозяйку, а то заскучает еще! Как же она – совсем без котика!

Поначалу он приземлялся целенаправленно – прямоком на крышу “девичьей башни”, но, как оказалось, там дракономать находила его слишком быстро. Ида сильно подозревала, что Котыка, проведав хозяйку, и добровольно бы возвращался в родное гнездо – дурак он, что ли, насовсем улетать из места, где кормят! Но мать ему досталась особо ответственная, так что все его визиты неизменно завершались одинаково быстро и бесславно: гордый юный дракон был уносим домой за шкварник.

В последнее время при каждом прилете дракоша изобретал всевозможные способы спрятаться в ожидании хозяйки. Способы были разной степени успешности и разрушительности.

Например, когда он незатейливо укрылся в тени башни, был обнаружен своей матерью моментально. Зато однажды он замечательно спрятался в гараже – к счастью, достаточно большом и пустовавшем на тот момент, поскольку отец семейства как раз уезжал по делам. Правда, ворота в гараж дракоша вынес, зато отлично успел пообщаться с хозяйкой, ради такого случая специально добывшей грабли для чесания пуза. Мать нашла его тогда только по повалившему из гаража дыму, когда дракотик, забывшись, разурчался.

На этот раз у Котьки оказалось игривое настроение. Он нашел себе замечательную мышку! Ну и что, что “мышка” размером с хозяйку! Зато ему как раз по росту. Ну, почти. Да еще спряталась эта “мышка” в такой прекрасной коробочке, где совершенно точно может поместиться и небольшой симпатичный дракон!

Рассудив таким образом, дракоша радостно запрыгнул в мастерскую, попутно снеся изрядную часть стены (а нечего делать такие маленькие двери!), и принялся мышковать.

Жаль, что такая хорошая хозяйка иногда ну совершенно ничего не понимает! Пришла и опять все навеки испортила!

– А ну брось каку! – завопила Ида, влетев в мастерскую. Кей свисал из пасти Котангенса, и на лице мальчишки была написана полная покорность судьбе. Ну как – свисал... Честно говоря, для такого маленького дракона целый человек – дичь все-таки крупноватая, так что ноги его стояли на полу, а руки касались пола. Впрочем, Котангенс всегда был оптимистом. – Живо брось, я сказала!

Дракон отпрыгнул, недовольно мотнув хвостом и сбив им какую-то конструкцию. Свою добычу он при этом из зубов так и не выпустил. Ой-ой... лучше вообще не осматриваться по сторонам слишком внимательно. “Не злил бы ты, дракотик, ну... хотя бы мою маму, с твоей-то и так все понятно!” – пронеслось в голове.

– Ну все... – Ида решительно уперла руки в бока и пошла прямо на питомца с самым грозным видом. Тот еще немного попятился, уперся в угол и снес какие-то полки. Однако неумолимая судьба, она же драгоценная хозяйка, настигла-таки его и вцепилась руками прямо в пасть, пытаясь силой разжать зубы. Конечно, воспротивился дракон всерьез, ей бы это не удалось. Но ведь надо же еще и не повредить “мышку”!

С тяжким печальным вздохом дракон распахнул-таки пасть и обиженно отвернулся. Кей рхнул на четвереньки и, не меняя позы, шустро сиганул в сторону.

– Цел? – не оборачиваясь к нему, поинтересовалась Ида.

– Местами, – буркнул тот. Девушка пожалала плечами: ходит, разговаривает, кровью не истекает – скорее всего, жить будет. Вообще-то ему крупно повезло, что Котангенс даже в бытность котом, когда ловил мышей, предпочитал с ними играть, а не есть. А когда они, утомившись играми, тихо подышали от отчаяния, страшно изумлялся, но трупики хозяйственно приносил в дом – вдруг хозяйке понравится?

– И не смей тянуть в рот что попало! – грозно обратилась она к питомцу, – хорошие драконы так себя не ведут!

Котангенс и котом-то был весьма неглупым, а драконы, как Ида уже знала, и вовсе полуразумны. Так что ее Котька неизбежно будет еще расти и умнеть, хотя она не сомневалась, что он и сейчас отлично ее понимает. Вон, пыхтит оскорбленно и ничуть, паразит, не раскаивается в учиненном беспределе. Хорошо хоть, что в целом воспитание этого дитятка взяла на себя драконья мать. Но раз уж они связаны, придется дракошке учиться еще и взаимодействовать с другими людьми в своем новом качестве. Как то: не рушить дома, не жевать людей... ну, для начала освоить бы хоть это. И это задача уж целиком ее, Идина.

– Рры, – интеллигентно сказали у двери, и Ада, Тория и Кей, столпившиеся у входа, шарахнулись в стороны. В развороченный проем заглядывала одним глазом некстати помянутая драконья мать, деликатно топчась и задрав хвост, чтобы не задеть другие постройки.

Надо сказать, драконица в целом вела себя на диво воспитанно: никогда ничего не рушила и не пугала людей намеренно (впрочем, они от нее разбегались самостоятельно). Даже когда однажды детеныш забрался в сад и спрятался под деревьями, она, вытянув до предела шею, обидно извлекла оттуда чадушко за хвост, но ни одной ветки не сломала.

– Ага! – обрадовалась Ида, чей праведный гнев и педагогический порыв еще не иссякли. Кроме того, она искренне полагала, что сейчас лучше пообщаться с драконьей матерью, чем с собственной, учитывая, во что превратилась мастерская. – Тебя-то мне и надо!

Ничтоже сумняшеся она так стремительно выскочила из мастерской, что драконица вынуждена была слегка попятиться.

– Ты что там себе думаешь! – бушевала Ида. – Думаешь, запретишь ребенку играть и он все бросит? Все равно он сюда летает! И никто его здесь не обидит! Я не позволю! А из-за того, что он тебя боится, он делает глупости! Дай ребенку немного свободы, он сам вернется! Достала ты его со своей гиперопекой, неясно, что ли? А потом у таких строгих мамаш детишки первыми курить начинают!

Драконица внимательно слушала, наклонив голову, и морда ее вытягивалась все больше.

– Ррраур! – рыкнула она наконец, когда ее терпение все же лопнуло, но тут же захлопнула пасть, поскольку из нее немедленно вырвался язычок пламени.

Ида, сообразив, что мастерская тиссе Тории только что была спасена от сожжения исключительно волевым порывом и добротой драконицы, тут же сбавила обороты.

– Ну... может, ты лучше возьмешь безобразие под контроль? Будешь прилетать с ним вместе и наблюдать. А потом вместе будете возвращаться. Все под твоим надзором... а? – уже почти просительно заключила она.

Драконица помолчала – Ида могла бы поклясться, что практически видит, как мысль ворочается в ее огромной башке, – тяжело вздохнула, став в этот момент до удивления похожей на собственного непутевого сыночка, проворчала что-то и, присев, вспорхнула с места на башню.

– Ээээ... ну... кхе-кхе, – пришлось отплеваться от тучи поднятой во дворе пыли, – кажется, мы договорились?..

– Да, – мрачно произнесла из-за ее плеча тиссе Тория, глядя на верхушку башни, над зубцами которой маячила огромная шипастая голова, – и, чувствую, прислугу нам скоро придется набирать заново, наверняка половина нынешней прямо сейчас пакует чемоданы. А еще нам придется искать на восстановление мастерской плотников с крепкими нервами.

Она оглянулась на физиономию дракоши, торчащую в разрушенном дверном проеме с самым виноватым видом, и расстроено махнула рукой. И тогда Котангенс сделал практически невероятную вещь: он, который и будучи котом не позволял себя трогать никому, кроме хозяйки, ткнулся лобастой башкой в живот тиссе Тории. И та, опешив лишь на мгновение, вдруг почесала его за ухом.

Глава восьмая. Ветер у нас в крови

До освоения магии добрались только год спустя – как выяснилось, для этого нужен был не только неуловимый дядюшка, вечно пропадавший в рейсах, но и кое-какие знания из местного школьного курса. В школе здесь учились до пятнадцати лет, и близнецы Виленго по понятным причинам ее пропустили. А одним из ключевых предметов в образовании будущих магов считалась... математика.

Ида ликовала: что бы там ни было с ее “лотерейным” магическим даром, в случае чего она всегда сможет вернуться к прежней профессии! Обучение давалось ей не просто легко – по сути, стоило только освоить новую систему знаков, и она начала с удовольствием узнавать знакомые формулы. Подпортила ей радость только реакция учителя, тэра Винзо, на ее успехи: он искренне считал ученицу математическим гением. Было неловко – она-то знала, что далеко не гений, просто закончила мехмат с красным дипломом, и стыдно было бы, если б с ее опытом преподавания начала путаться в задачах школьного уровня...

А вот Ада к математике оказалась неспособна абсолютно. Все, что учила когда-то в школе в прошлой жизни, она, конечно, забыла давным-давно за ненужностью. Хуже того: она не слишком хотела изучать этот предмет. И бесполезно ей было объяснять, что для работы с собственным даром ей понадобится даже не элементарная математика, а высшая магоматика. Она злилась, ругалась, кричала, что у нее столько мозгов нет и что вообще она уж лучше как-нибудь тряпкой пыль вытрет. Впрочем, уроки она дисциплинированно отсиживала, и оставалось надеяться, что запоминает и усваивает хоть что-то.

А вот “физкультура”, как они называли между собой гимнастические занятия, не доставляла особого удовольствия ни одной из сестер. Однако когда они полностью восстановили нормальную физическую форму, таких занятий стало не меньше, а больше, как ни жаловалась Ада на усталость, а Ида – на бесполезную потерю времени. В этом вопросе их отец оказался непреклонен.

А потом в дом ворвался дядюшка Джемая, принес с собой запах крепкого табака и ветер дальних странствий.

Явился он во время ужина, так что вся семья как раз собралась в столовой, мирно обсуждая очередной прошедший день. Девочки делились успехами в учебе. Тиссе Тория толковала о каком-то изобретении. Тисс Тристобаль, как обычно, отвечал на вопросы о своей работе уклончиво, рассказывая только о самых безобидных делах. Он занимал пост “смотрящего острова” – как поняла Ида, нечто среднее между заместителем и начальником полиции, при этом не гнушался сам периодически участвовать в полицейских расследованиях. Его дар младшей крови – способность к химическому анализу веществ “на глаз” – немало помогал в этом: не раз именно глава полицейской службы моментально по одному следу выяснял, откуда принесена грязь с подошвы преступника, или мгновенно определял, принадлежит ли предполагаемой жертве кровь на месте преступления. Но дома он говорил о работе так, будто состояла она из одних курьезов и забавных случаев.

А потом появился этот огромный незнакомец, высоченный и здоровенный, и без всяких усилий просто отодвинул лакея, собравшегося доложить хозяевам о госте. Был он загорел, растрепан, одет в какую-то форму с нашивками, отличался широким располагающим лицом, а еще сиял невероятно обаятельной улыбкой.

Едва увидев этого человека, тиссе Тория прервалась на полуслове, взвизгнула, вскочила и буквально налетела на мужчину, который тут же радостно подхватил ее в свои медвежьи объятия.

– Тория! – громогласно взревел он, – как же я рад тебя видеть, дорогая невестка!

Тисс Трестобаль, тоже поднявшийся с радостной улыбкой, подошел лишь секундой позже. Гость, тут же отпустив его жену, протянул свою огромную лапу, и мужчины пожали друг другу руки, а затем и обнялись.

– Привет, Трис! Ну, так где тут мои племянки? Говорят, они наконец перестали валять дурака и взялись за ум?

Ида и Ада, изумленно наблюдавшие эту сцену бурного приветствия, переглянулись и встали.

– Вижу-вижу, растете красавицами, как ваша матушка! Даже не стану гадать, кто из вас кто... Не желаете ли наконец обнять своего дядю?

Вопреки собственным словам он самостоятельно одним широким шагом приблизился к девочкам и сгреб в объятия обеих сразу – да так, что, кажется, хрустнули косточки, и обе одновременно придушенно пискнули.

– Все же будет кому передавать наше дело... никто уж не чаял.

О дядюшке Джемайе, капитане дирижабля дальнего следования, девочки слышали уже не раз. Разве что никто не упоминал, что он такой огромный и шумный.

В мире, где люди жили на разбросанных по океану крошечных островках, а сам океан был заселен агрессивными чудовищами, делавшими мореплавание практически невозможным, все профессии, связанные с авиацией, ценились особенно высоко. Аппараты, управляемые магами ветра, летали быстрее всех, никогда не сбивались с курса и не разбивались. Так что маги старшей крови рода Виленто традиционно получали одну из самых уважаемых и востребованных профессий – они становились пилотами дирижаблей. По умолчанию, кстати, предполагалось, что по стопам предков пойдет и Ада. Правда, обе сестры пока относились к этой перспективе с тихим ужасом, воображая себе, что она напилотирует.

Тисс Джемайя Виленто Аганти относился к той породе людей, что неизменно излучают оптимизм и жизнелюбие, что бы ни происходило вокруг. И не улыбаться в ответ на его широченную улыбку, слушая его рассказы о рейсах, было невозможно. Равно как и обижаться на его добродушное подтрунивание над всеми вокруг.

Ужин прошел в возбужденно-приподнятом настроении, которое умел создавать дядюшка Джемайя одним своим присутствием.

Только Ада, необычно молчаливая в этот вечер, почему-то слушала его рассказы о полетах, все мрачней.

А дядюшка все шутил, сам же восторженно и громогласно хохотал и регулярно давал советы Аде – на времена, когда она пойдет учиться в академию, и более отдаленные – когда станет его коллегой.

И в конце концов она не выдержала.

– Я не буду пилотом! – прервала она очередной рассказ, и на пару секунд в столовой повисла тишина. – Не хочу я водить эти ваши дирижабли!

– Ты не хочешь летать? – дядюшка Джемайя спросил это с таким недоумением, как будто не хотеть летать – это что-то вроде болезни. И улыбка впервые за весь вечер сползла с его лица.

– Не хочу! – упрямо повторила она. – Меня шо, заставят?

– Да нет... – как-то до странности тихо и слегка растерянно проговорил дядя.

– Дочь, – очень серьезно начал тисс Трестобаль, – если ты всерьез... В нашем роду старшие дети всегда заканчивали Облачную академию – и всегда пилотировали дирижабли. И мы были бы, конечно, счастливы, если бы ты выбрала эту профессию. И очень гордились тобой. Но если ты выберешь другую судьбу...

– Мы в любом случае будем тобой гордиться, – решительно вмешалась тиссе Тория. – Что бы ты ни решила!

Тисс Трестобаль серьезно кивнул.

– Так, – дядя Джемайя решительно встал, уперевшись в стол руками. – Я предлагаю пока отложить этот разговор. Мы поговорим об этом завтра. Может, быть завтра... что-то да изменится.

*

– У меня тетка была, – сестры Виленго сидели на кровати Ады в ее комнате, но Ада отвернулась и смотрела в окно. – Там. Ночная ведьма.

На мгновение Иде показалось, что сестра заговаривается, но уже спустя секунду она поняла, что Ада имела в виду.

– Героиня... я ее почти не помню, малая была. Помню, гордилась тетей-героиней. Ей все гордились. Они ведь, “ночные ведьмы”, наши края освобождали, знаешь? И Кубань, и Дон, а там до Берлина дошли. Обычные девчонки наши, а как их боялись! Она всю войну прошла, сотни вылетов. Другие потом, кто выжил, возвращались к обычной жизни, кто куда. А она и была летчицей, инструктором. В мирное время уже разбилась. И замуж не успела выйти, жених-то был. Карточка у меня оставалась одна с тетей Галой, сидит она в этом своем самолете игрушечном, улыбается. Красивая была... я по малолетству-то завидовала даже. Как же, героиня, летчица, красавица. А я коров дою. Только сестрица ее, матушка моя, тоже коров доила да огород копала. Зато мамка замуж вышла, детей родила и дожила до девяноста лет. Знаешь, оно с годами жизнь-то ценить начинаешь... хоть какую ни на есть. Какие б ни были годы – а все мои, никому б не отдала.

– Ты боишься? – тихо спросила Ида.

– А то. Знаю, шо дирижабли эти их, магия тут ще, а вот... не хочу я. Как тетка Гала.

Ида вздохнула.

– Ты же слышала – никто заставлять не будет. Расстроятся... ну, что ж делать. Не твое же это явно.

– Не мое, – закивала Ада.

*

А утро наступило куда раньше, чем кто-нибудь мог бы предположить. Крита, оставшаяся при девочках горничной, энергично трясла ее за плечо.

– Тиссе Ада! Тиссе Ада! Просыпайтесь же! Ну же! Вставайте!

– Что..? – Ада приподняла голову, сонно моргая.

– Вставайте! Тисс Аганти велел вас непременно разбудить. Он просил, чтобы вы оделись для прогулки, и поскорее. И еще – накинуть что потеплее.

– Темно же еще! – за окном едва начало светать. И Ада возмутилась было – а потом вдруг вспомнила, сколько лет вставала на первых петухах. Разленилась ты, баба Зина, мысленно усмехнулась она самой себе. – Ох... ладно. Иду разбудили уже?

– А... тисс Аганти велел только вас, – растерялась Крита.

– Еще чего не хватало! – рассердилась Ада. – Живо иди буди ее!

Что бы там ни задумал этот дядюшка – уговаривать ее, что ли, будет? – моральная поддержка ей не помешает.

*

Увидев двух сонных племянниц вместо одной, дядюшка нисколько не удивился, только усмехнулся добродушно.

– Долго же вы собираетесь! Едва не пропустили самое главное! Солнце того и гляди встанет.

Поманив девочек за собой, дядя широким шагом направился к выходу из дома, а затем к воротам – и дальше, только почему-то сразу свернул с широкой автомобильной дороги из особняка. Ида и Ада едва поспевали за ним – пришлось даже проснуться от быстрой ходьбы

– однако вопросов не задавали: берегли дыхание. В кофтах, накинутых поверх прогулочных платьев, им быстро стало жарко. Впрочем, довольно скоро дядя остановился – на широкой и ровной, как стол, площадке, от которой вела широкая утрамбованная полоса. А на площадке стоял – самолет. Какой-то совсем несерьезный на вид, будто из фанеры и палок сделанный. Нижнее округлое по краю крыло – над самыми шасси, верхнее – выше мест для пилота и штурмана, скрещенные планки между ними.

Заметив, как Ада оцепенела вдруг, Ида сжала ее руку.

– Он такой же, – только и шепнула та, – точно, как у тети Галы...

И Ида тотчас вспомнила: верно, очень похожие самолеты она видела на фотографиях и в фильмах про войну. Кукурузники, или как их?.. И впрямь – как игрушка.

– Повезло вам, – тем временем, как обычно, широко улыбаясь, громогласно объявил дядя Джемайя. – Этот у меня “семейный”, я в нем приспособился жену с сынишкой катать, даже ремни на штурманском месте перетянул. Вы худенькие у нас, поместитесь. Ну – залезайте, племяшки!

Честно говоря, Ида ожидала, что сестра сейчас закатит истерику. Или просто наотрез откажется. Но та неожиданно сделала шаг вперед, и другой – медленно-медленно, будто преодолевая сопротивление. В какой-то прострации она подошла совсем близко, и даже не пискнула, когда Джемайя, бесцеремонно ухватив за талию, поднял ее и усадил в самолет. Ида забралась следом – сама, и дядя показал, как пристегнуть ремень. Место было рассчитано на одного человека, но они действительно поместились – тесно прижавшись друг к другу, как воробушки, и обнявшись. Ремень окончательно сцепил их.

– Малая авиация – другая специальность вообще-то, пришлось заново учиться... но оно того стоило! – продолжал разглагольствовать дядя, показывая, как застегнуть под подбородком кожаный шлем. – На моей махине сына в отпуске не покатаешь!

То, что ей самой вообще-то было страшно, Ида как-то забыла от волнения за сестру и ее странное состояние. “Может, остановить это все?” – подумала она, но дядя уже усаживался на пилотское место.

Разбег показался каким-то очень коротким – и самолет оторвался от земли, начав пологий подъем. Вот взлетная площадка осталась уже далеко внизу... а вот и дом Виленто. И впрямь напоминает небольшой замок с этими своими башенками по углам. Но какой же он уже родной!

Мысль оказалась неожиданной для Иды. Она всегда с трудом привыкала к новым местам и людям. Но сейчас... нет, она, конечно, не могла воспринимать Торию и Тристобалю как родителей – они были ненамного старше ее самой, прежней, а выглядели даже моложе. Бедная Зинка, подумалось тут же, для нее они, наверное, и вовсе детишки, а надо их слушаться.

И все-таки... все же они сейчас воспринимались близкими. Как, скажем, брат и сестра – куда роднее тех сводных братьев, что были у Зинаиды Летовой в прошлой жизни. Брат и сестра, которым она действительно небезразлична. Мы все расскажем им, неожиданно решила она именно в эту минуту, глядя на дом далеко внизу. Расскажем – и будь что будет.

Дом вместе со своим двором, садом и бесчисленными хозпостройками остался позади, а городок и долина – в стороне. Горы... Задохнувшись, Ида обернулась к сестре – и обнаружила, что та сидит, крепко зажмурившись.

– Открой глаза, – шепнула она Аде в самое ухо, стиснув ее плечо. – Смотри... Смотри, солнце у нас под крылом!

Рассветное солнце, лениво потягиваясь, неторопливо выкатывало свой багровый диск из-за гор, раскрашивая небо во все цвета радуги и расцвечивая мир под небом.

Ада осторожно приоткрыла глаза – а затем распахнула их широко-широко.

Вот уже и море, такое же разноцветное у горизонта и почти ультрамариновое у берега. А небо – все небо целиком, с его облаками и парящими островами – сейчас, в это раннее нереально-прозрачное утро, принадлежит только им.

А впрочем... от земли оторвалась точка, затем другая, побольше, и Ида расхохоталась. Правда, пожалуй, стоило предупредить дядюшку, что они дружат семьями – кажется, он слегка занервничал, когда пара драконов без всадников взяла прямой курс на них, и даже заложил вираж, заставивший девчонок взвизгнуть. То ли испуганно, то ли восторженно – они и сами до конца не поняли.

Вираж был ошибкой. Котангенс понял, что любимая хозяйка наконец-то прилетела поиграть, так что дальше было соревнование в высшем пилотаже: кто успеет раньше – дракон подрезать-поднырнуть или самолет отскочить. Добавляла острых ощущений дракономать, безуспешно пытавшаяся усмирить чадо прямо в полете. Девчонки визжали, чувствуя себя, как на “американских горках”. Что думал и чувствовал при этом бесстрашный и выдавший виды пилот Джемая Виленто Аганти, осталось навеки скрыто цензурой.

Ида давно уже мечтала покататься на своем драконе верхом, но все как-то опасалась. Кроме того, нужно было специальное седло со страховочными ремнями, какого не купишь в обычном человеческом магазине в городке, а без него садиться на дракона – чистое самоубийство: сдует еще при взлете. А отец, стоило заикнуться об этом, решительно объявил, что таким вещам надо учиться только под присмотром инструктора. Придется ждать академии.

Сейчас она понимала, что тисс Тристобаль был совершенно прав – а все же полетать на драконе захотелось с утроенной силой. Чтобы ветер в лицо, горы под ногами и небо вокруг. Чтобы еще ближе к небу!

Кажется, дядюшка Джемая решил, что драконы отвяжутся сами, стоит только приблизиться к человеческому поселению. Наивный!

На этот раз взлетно-посадочная полоса, напротив, показалась какой-то бесконечно длинной. И драконы, недоуменно переглядываясь, сопровождали самолет на бреющем полете, по обе стороны от полосы, прямо над деревьями. Так что пришлось сразу по приземлении, выскочив из самолета, нестись к Котангенсу, торопливо чесать ему подбородок, здороваться с его мамой и отправлять драконье семейство назад – тоже ведь поди не завтракали еще!

Дядя Джемая, оторопело наблюдавший эту сцену, все же взял себя в руки и помог выбраться Аде.

– Ты как? – шепнул он, приобняв племянницу за плечи. Та только мотнула головой, наблюдая за нежностями сестры и дракона.

А дядя вдруг взял оба ее запястья в одну руку, второй провел над ними – и разомкнулись, упав в траву, браслеты, которые она носила все это время.

– Попробуй вспомнить чувство полета и махнуть рукой – вот так... осторожнее!

Ада все так же молча взмахнула рукой – и от резко хлестнувшего порыва ветра вполне себе взрослые деревья у края площадки пригнулись едва ли не до земли.

Испуганно втянув воздух, девочка прижала руки груди, не решаясь ими пошевелить.

– Ничего, – усмехнулся дядя. – Слишком много эмоций сейчас, а они влияют на чистую силу, особенно только проснувшуюся. Но ты скоро научишься ей управлять... я присмотрю. И, знаешь, это почти так же здорово, как летать!

Ада взглянула на него недоверчиво, но снова промолчала.

Домой возвращались тоже в тишине – а там, у ворот, уже ждали Тория и Тристобаль, с укоризной почему-то глядя на приближающегося Джемая. Неужели он их не предупредил? Подтверждая предположение, он шутливо поднял руки и обезоруживающе улыбнулся.

– Тория, милая, ты ведь не станешь меня убивать, не покормив? Твой деверь умирает от голода! Он победил тысячу драконов в честном бою, чтобы спасти юных дев и увидеть твою улыбку! Кстати, я решил, что девочке уже пора и снял с нее эти нелепые кандалы... вы ведь все равно собирались?

Тиссе Тория на какой-то момент стала просто изумительно похожа на дракономать – Ида даже показалось, что сейчас она выпустит черный дым из ноздрей. Но она только резко

развернулась с очень прямой спиной и четким шагом направилась в дом. "Вот это выдержка!" – с уважением подумала девушка.

Только когда все семейство уселось завтракать, Ада, чье молчание уже беспокоило всех, наконец заговорила.

– Я буду пилотом, – это были первые ее слова. А затем, помолчав, добавила и вовсе невероятное, – малой авиации! Я хочу... летать на таком самолете.

А затем, обернувшись и посмотрев прямо в глаза сестре, добавила шепотом, только для Иды – по-русски:

– За нее – тоже...

Секундную тишину разрушил легкий и радостный хохот дядюшки Джемайи. Кажется, он ничего не имел против такого нарушения семейных традиций.

– Я знал! Вы, девочки, – Виленто! Ветер – у нас в крови!

“Что ж, – философски подумала Ида, – по крайней мере, поступать будем действительно вместе... и уж от математики она теперь не отвертится!”

Глава девятая. Тяжело в ученье

– Я вот еще шо подумала, – объясняла позднее Ада. – Где мы еще таких женихов-то оторвем, шоб вот, например, как наш дядька? А? То-то! Там жеж их хоть жопой кушай, где их учат-то. Ну шо ты ржешь, как кобыла, я серьезно! Замуж-то все равно надо. И тебе тоже, неча мне ржать тут! Или ты решила и тут одна куковать? Так я не дам! Баба Зина и не таких взамуж выдавала! Та я б и там выдала, не успела тока!

Ида хохотала, не пытаясь даже отвечать. Похоже, сестрица нашла для себя объяснение собственному порыву – такое, какое она сама готова принять. А о том, что со своей героической теткой она на самом деле из одного теста сделана – да пусть и не думает, если ей так легче.

Увы, одного только твердо принятого решения было мало. С Адой занимался теперь дядюшка, и с каждого занятия она вылетала то в слезах, то в ярости, а по дому во все стороны летали всевозможные предметы. Некоторые так и вовсе взрывались – когда начинающая волшебница от избытка противоречивых чувств сбрасывала в них зарождающиеся смерчи и микроторнадо. Многоэтажные формулы и расчеты, которые показывал ей Джемайя, вызывали в ней самые разные эмоции, и все далекие от позитивных. Сдерживать же бурление подростковых гормонов она и не пыталась.

В семье все относились к этому философски: пятнадцатилетний маг – всегда стихийное бедствие, было бы чему удивляться!

– Пойми, – объяснял дядя, – просто поднять ветер – большого ума не надо. Выпускаешь силу – и готово. Но так ничего полезного ты этим ветром не сделаешь. Даже тучи куда надо не пригонишь, они у тебя или перелетят, или недолетят, или развеются по дороге. Вот смотри, – стоявшая на столе чернильница сама собой приподнялась в воздух, перелетела на другой стол и аккуратно приземлилась. – На первый взгляд может показаться, что это телекинез. Выглядит точно так же. Но телекинетик воздействует на сам предмет, а маг вроде нас с тобой – на окружающий его воздух. Любой предмет окружает воздух. И, значит, направленным движением воздуха – ветром – мы можем переместить любой предмет. Но при этом надо учитывать множество факторов. Прежде всего – вес предмета. От него зависит сила воздействия. Совсем легким ветерком можно поднять разве что перышко. Причем чаще всего вес нужно закладывать сразу довольно вариативный, ведь не станешь ты каждый раз все взвешивать. Вариативность приходится корректировать за счет других параметров. Потом – хрупкость предмета. И твердость поверхности, на которую перемещаем. От этого зависит, когда и насколько нужно снизить воздействие, а то и изменить его вектор перед приземлением. Иначе предмет попросту разобьется. Кроме того, значение имеет и объем предмета, а также пространство вокруг, в зависимости от него нужно ограничивать воздействие. Если мы, конечно, хотим переместить один предмет, а не разгромить всю комнату. И аэродинамика. На то же перышко если дунуть слишком сильно, оно полетит куда угодно, но не туда, куда надо. А чернильницу важно не перевернуть в полете – значит, нужна разная плотность потоков воздуха. Для предметов сложной конфигурации нужно еще учитывать центр тяжести. Вот поэтому и нужны расчеты. Для каждого конкретного действия ты должна понимать необходимую мощность, точки приложения силы, направления векторов – а они не всегда бывают линейными. И главное – подставлять все цифры и производить расчеты автоматически, практически мгновенно...

Ада только стонала и закрывала лицо руками.

На самом деле, как сильно подозревала Ида, не хватало сестрице не мозгов, как та уверяла, а банальной веры в свои силы. Когда-то давным-давно она убедила себя – а может, и ее убедили – что “выше головы не прыгнешь”. А если и прыгнешь, то ни к чему хорошему это не приведет. Что она не семи пядей во лбу, и что каждый сверчок должен знать свой шесток.

Она и знала. Все 83 года своей прежней жизни знала. И переломить этот ее “шесток” теперь было совсем не так просто.

С другой стороны, что не могло не радовать в нынешних обстоятельствах, упрямства Аде тоже было не занимать. И если уж она решила – то отступить не собиралась, даже несмотря на собственные регулярные истерики, во время которых она рвала на клочки свои тетрадки и разбрасывала одним взглядом мебель. После она все равно утирала слезы, шмыгала распухшим носом и упрямо шла снова к дяде или к сестре – разбираться.

“Вот и вернулась к профессии”, – с иронией думала Ида. Радости это почему-то не приносило. Аде выдали набор готовых формул для разных воздействий – оставалось только научиться каждую из них применять в нужной ситуации и быстро делать по ней расчеты. И, конечно, имея перед глазами таблицу с этими формулами и их описаниями, Ида могла подсказать, какую из них для какой задачи использовать и что куда подставлять... Но сами формулы казались нелогичными, непоследовательными, раздражающе-корявыми, и она тоже злилась.

Она всегда считала, что мало зазубрить что-то – куда важнее понять. Если понимаешь принципы, учить становится легко.

Поэтому, пока Ада занималась с дядей, Ида все глубже закапывалась в книги в семейной библиотеке. Больше всего помог потрепанный пыльный том “Фундаментальные законы магии. Теоретические основы”. Продираясь через незнакомую терминологию, то и дело уточняя что-то в словаре, она в конце концов смогла законспектировать для себя ключевые принципы. И тогда наконец пришло озарение: надо просто встроить для себя законы магии в законы физики, не вместо, а вместе – и тогда все становится понятно и логично, а формулы приобретают привычную красоту, стройность и завершенность. И даже можно, пожалуй, попробовать их усовершенствовать. Упростить? Комбинировать? Для каждого дара разработаны свои формулы, но принцип-то один – так что если их совместить? Да здесь же огромное поле для работы, да какой увлекательной!

Девушка радостно хлопнула руками по столу и подскочила с места. Но тут же замерла, заметив очень странную вещь: поверхность стола под ее руками будто промялась – нет, она не стала вдруг мягкой, просто на ней появились две симметричные выемки в форме девичьих ладоней и пальцев – причем не вырубленные или выломанные, а будто... проплавленные, что ли? Хм, как вообще можно проплавить деревянную столешницу?!

– Честное слово, я не знаю, как это получилось! – попыталась она оправдаться, когда, ничего не объясняя, притащила на “место преступления” тисса Тристобалья.

Тот внимательно осмотрел вмятины и вдруг радостно улыбнулся.

– Ну вот, наконец-то и твой дар раскрылся! Это замечательно! Пластика твердых тел – в последний раз этот дар проявлялся пару поколений назад, у моего двоюродного прадеда. Прилагая свои магические силы, ты можешь менять форму любой твердой поверхности. Только неживой, конечно. И в довольно ограниченном объеме – все-таки это младший дар. Зато сам материал значения не имеет.

– Хм... – нахмурилась девушка, – и как это можно применять?

– Ну, прадед был скульптором, ваял из камня. При желании ты можешь пойти по его стопам.

– Нет! – здесь никаких сомнений у Иды не было точно. Пределом ее художественных способностей было изображение человечка в стиле “палка-палка-огуречик”. Или домика-“коробочки” с треугольником-крышей. Никаких творческих талантов у нее сроду не было. Да и не очень-то хотелось.

– Нет так нет, – спокойно ответил тисс Тристобаль. – На самом деле применений можно придумать сколько угодно. Важнее, чтобы ты нашла то, что тебе самой по-настоящему нравится делать. Обычно маги выбирают профессии, в которых как-нибудь да можно задействи-

вать их дар. Но это вовсе не потому, что их кто-то заставляет – просто, как правило, дар так или иначе соответствует способностям и талантам человека.

Чем ей хочется заниматься, Ида думала недолго. Вернуться к преподаванию? Ха! Она, честно говоря, и в прошлой-то жизни пошла в школу больше от безысходности. Вот ее бабушка – та в самом деле была учителем от бога, а Зине всегда нравилось работать только с теми детьми, что разделяли ее увлеченность цифрами, формулами, графиками и функциями, кто способен был увидеть их удивительную красоту и гармонию. Пожалуй, если бы она выбирала, то преподавать пошла бы разве что в вузе – и обязательно профильном! Чтобы все ученики были такими же сумасшедшими фанатиками. А сейчас, когда перед ней такое прекрасное поле для работы... Теоретическая магия, вот где ее призвание!

Вот только придется, хочешь – не хочешь, поступать в Облачную академию... черт бы побрал этого ритха!

На самом деле Ида понимала, что раз уж ей достался такой своеобразный питомец, то узнать о нем как можно больше и научиться правильно с ним обращаться – ее обязанность. Увиливать от ответственности она не собиралась. Да и летать на нем действительно очень хотелось. Но вот делать это своей профессией? Вряд ли. Она и в прошлой жизни любила кошек, но ей бы и в голову не пришло становиться ветеринаром или фелинологом.

Сомнениями она тут же поделилась с отцом – и не напрасно. Тот, поразмыслив, сумел дать совет.

– Попробуй для начала артефакторику. Если тебе удастся создавать не штампованные, а уникальные артефакты с применением эксклюзивных, новых и комбинированных формул, ты и сама станешь уникальным специалистом. А твой дар, кстати, как раз в создании артефактов очень даже пригодится. После окончания академии ничто не помешает тебе при желании получить второе образование. В Облачной, кстати, есть подходящие факультативные курсы, насколько я помню. А начинать ты можешь хоть сейчас. Хотя бы с освоения собственного дара. Он поможет облекать твои идеи в нужную форму.

Идея неожиданно понравилась и захватила целиком. Артефакты! И в самом деле, в этом мире они широко использовались – в разнообразных механизмах и повседневных бытовых вещах, но, как правило, были типовыми, и новые изобретались совсем не так уж часто. А ведь сколько всего полезного можно придумать – особенно если вспомнить все те мелочи, что облегчали жизнь в прежнем мире, и поискать магические воздействия, подходящие для тех или иных устройств, и их сочетания. И именно в артефактах ее идея совмещения формул для разных даров может быть применена на практике – нужно будет только подключить к созданию каждого магов соответствующих направлений!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.